

О ЧЁМ ГОВОРИТ СМОЛЕНСК

ежемесячный журнал

№4 (295) от 22 апреля 2024 г.

издается с января 2010 г.

Герои нашего нового проекта —
смоляне, вернувшиеся домой
из зоны СВО

«Я вернулся»

Всемирный день здоровья*

СМОЛЕНСКСТАТ

Приверженность к здоровому образу жизни

Удовлетворительная

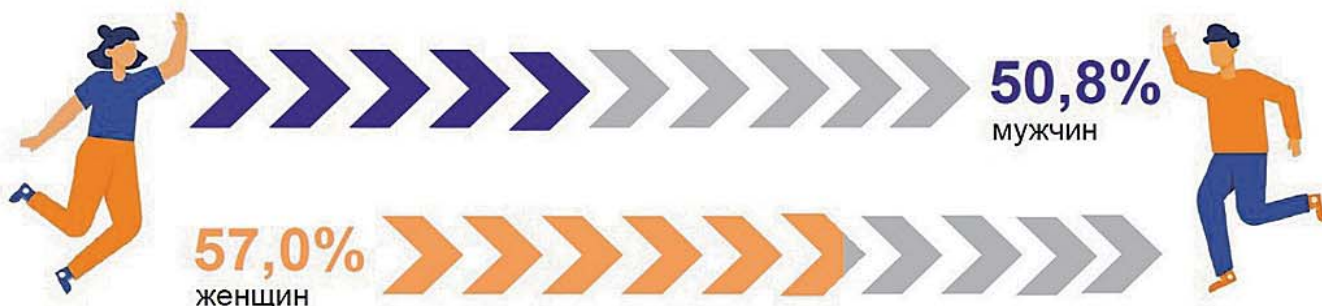
Высокая

● Мужчины

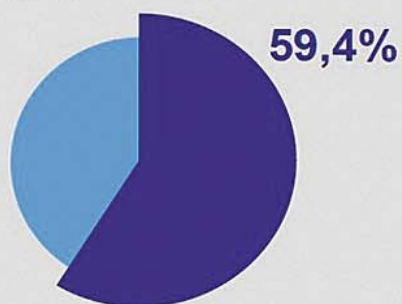
● Женщины

Прошедшие диспансеризацию за последние два года

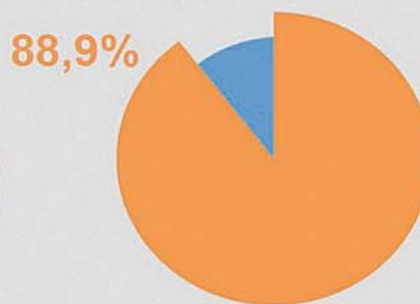

Не курят

Мужчины

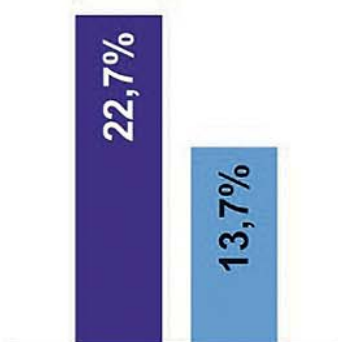

Женщины

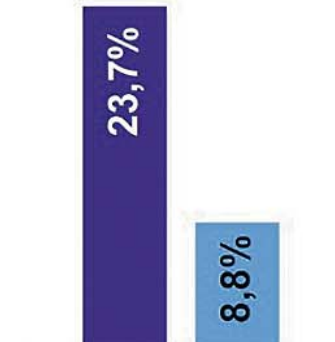

Занимаются спортом

Мужчины

Женщины

● Самостоятельно

● Организованно

*Выборочное наблюдение состояния здоровья населения в 2023 году, в возрасте 15 лет и старше.

Василий Анохин

«Главное – не бросать руль и никогда не опускать руки»

Светлана САВЕНОК

Губернатор Смоленской области — о главных ценностях и приоритетах, о кадровой политике и масштабной перезагрузке, о трудностях и достижениях первого года работы на посту главы региона

17 марта исполнился год со дня назначения Василия Анохина на пост главы Смоленской области. О масштабной перезагрузке, о трудностях и достижениях первого года работы, а также о дальнейших планах мы поговорили с «юбиляром» в этом интервью.

— Василий Николаевич, спасибо большое, что нашли время на эту беседу. Сегодня мы будем говорить о первом годе вашей работы на посту главы Смолен-

ской области. И, учитывая, что за этот год произошло столько принципиально значимых изменений, сколько, наверное, не происходило за две пятилетки ранее, начать наш разговор хочу с такого вопроса: можете ли вы назвать этот год самым непростым за все годы, что работаете (на разных постах)?

— Это действительно был год непростой, учитывая масштаб задуманного и меру ответственности. Но не скажу, что самый сложный. Все-таки, наверное, достаточно

сложный и ответственный был период, когда я работал в аппарате правительства с новыми регионами. Потому что там каждая минута времени, каждое решение напрямую увязывались с жизнями людей.

— Там было эмоционально сложнее?

— Там не думаешь об эмоциях. Нужно было действовать быстро и решения принимать оперативно. И, конечно, совершенно другой порядок жизни, другая скорость, другая ответственность. Работа гу-

бернатора, безусловно, тоже подразумевает большую ответственность, к тому же изначально было понимание, что очень многое предстоит сделать. Причем, заниматься пришлось всем одновременно, «играть на всех струнах сразу». Но это нормально. Настроечные процессы всегда так проходят — чтобы услышать хорошую игру на скрипке, сначала нужно качественно собрать эту скрипку, а потом уже играть на ней. Да, было нелегко. Но определенное чувство удовлетворения от какого-то постоянного движения, от первых результатов у меня есть. Много процессов запущено, многое находится в стадии запуска... Это своего рода испытание для меня и для моей команды, хорошее время. Поэтому хоть год был и непростой, но в то же время, с точки зрения работы моей команды, — позитивный. Мне действительно нравится то, чем я занимаюсь.

— Вы пришли в Смоленскую область, уже имея опыт работы в правительстве. Более того, показали себя отличным управленцем в команде вице-преьера Марата Хуснуллина (не случайно он сказал, что ваше назначение в Смоленскую область — потеря для правительства и приобретение для региона). Вот учитывая этот серьезный опыт на федеральных позициях, здесь и сейчас можете оценить, отличаются ли стиль работы и подходы к решению проблем с точки зрения федерального уровня и регионального?

— Первое, с чем я столкнулся здесь, — это те самые пресловутые «скорости». Здесь они совсем другие. Это раз. Второе: госаппарат (и региональный, и тем более, муниципальный) не привык к большой

Марат Хуснуллин: «Для регионального развития России переход Василия Николаевича на другую работу — это потеря. Для Смоленской области — это большое приобретение» (Смоленск, август 2023 г.)

нагрузке и требуемому массиву работы (согласно обстоятельствам и задачам), а также времени, которое необходимо для ее выполнения. Третье: состав среднего управленческого звена не привык нести ответственность. Все ждали решения «сверху», отвечали только руководители высшего звена. Сейчас у нас внедряется принцип делегирования, потому что абсолютно за всеми процессами «сверху» уследить невозможно. А у нас большинство руководителей среднего звена, как говорят, на работу «ходят работать». Но нужен результат. Поэтому ответственность за результат на уровне управленцев среднего звена мы внедряем сейчас.

— В аппарате правительства вы возглавляли департамент регионального развития и знаете картинку по многим регионам. Эта ситуация, когда чиновник «ходит на работу», была характерна именно для Смоленской области, или всюду на региональном уровне в основном так?

— Не хотел бы говорить обо всех. У каждого руководителя свой стиль управления, и он подстраивает систему под себя. Могу сказать, что для меня очень важно делегирование. Важно, чтобы люди несли ответственность за результат не только на уровне высшего руководящего состава, но и на уровне среднего и даже на уровне самого малого. То есть, абсолютно каждый должен понимать ответственность за результат и знать, что его даже небольшое действие должно быть результативным, что за это он несет персональную ответственность. Только в таком случае будет работать вся цепочка событий — снизу доверху. Поэтому, конечно, здесь в стиле работы, в подходах на федеральном и региональном уровне есть существенные отличия.

И второе отличие — это оцифровка результатов, к чему Михаил Владимирович [Мишустин — ред.], приучил всех членов правительства. Он настроил очень серьезную и качественную работу

аппарата. Результат должен быть оцифрован. Не просто на словах — «сделали то-то, вроде нормально» без четких сроков и конкретных результатов. Результат должен быть измерим. Главная беда здесь была в том, что многие процессы не имели точного времени. Надо четко понимать, когда начнем, когда закончим, что получим на выходе. И жесткая система контроля: как на каждом этапе движется исполнение. Эти все процессы пришлось поднастроить.

Ну и самое главное — когда машина едет на определенной скорости долго, и вдруг ты резко нажимаешь педаль газа, она не сразу рванет на новой скорости. Поэтому, когда пришлось в каких-то процессах резко «газануть», пришлось чем-то пожертвовать, какими-то результатами, где-то принять ряд кадровых решений. Там, в правительстве, темпы совершенно дру-

гие: сроки гораздо короче, темп гораздо выше, спрос жестче, времени, проведенного на работе, гораздо больше. И спрос, даже с начальников отделов, там очень серьезный. Поэтому часть системы работы в правительстве я переношу сюда. По прошествии года высший руководящий состав, а также министры, их заместители уже начинают привыкать к моей скорости и системе работы.

— Что касается высшего руководящего состава региональной власти — он обновился процентов на девяносто. Василий Николаевич, вы, когда возглавили Смоленскую область и увидели, кто на что способен, сразу поняли, насколько серьезно перезагрузите команду?

— Нет, такого желания у меня не было. И сейчас такого стремления нет, чтобы заменить где-то кого-то, поставить «своих

людей». Все идет от результата и движения. Если я не вижу результата или той скорости, которая мне необходима, не вижу понимания системы, то, конечно, я подбираю людей, которые разделяют те принципы работы со мной, о которых я сказал выше. Только исходя из этого принимались кадровые решения. Поэтому кто встроился в этот ритм работы, в график, у кого есть понимание ответственности, оцифрованности работы, показатели, те сейчас являются моими заместителями и министрами.

Это абсолютно не принцип замены ради замены. Многие уходят, потому что честно говорят: мы не готовы. Это не потому, что я кого-то «выдавливаю». Кто-то ушел, потому что не справлялся. Есть такие руководители, которые не справлялись. И то, я пытался лично передвинуть их на другие позиции. Но если я вижу, что и там человек не справляется, и там нет результата, то, увы, приходится расставаться. А так, конечно, я не сторонник того, чтобы увольнять людей «в никуда» (за тем исключением, если это связано с каким-то уголовным преследованием, или если результата нет нигде, если человек «перегорел» к работе на госслужбе). И это тоже нормально. Если «перегорел», если перестала нравиться работа — лучше не мешать. Потому что тогда ты становишься препятствием для всей команды. Особенно это касается руководителей — и главы региона, и его заместителей, и министров, которые отвечают за отрасли. Если у министра пропадет влечение к его сфере деятельности, то понятно, что может произойти с отраслью, которую он курирует...

«На данный момент у меня нет претензий ни к заместителям, ни к министрам. Есть результат и есть работа. Но кадровые изменения могут произойти и с текущей командой»

— К нынешнему составу вашей команды нет вопросов? Все действительно поняли, что такое новые скорости, новый подход к работе, к ответственности? Или может так случиться, что завтра вас кто-то из них разочарует, и придется проститься?

— На данный момент у меня нет претензий ни к заместителям, ни к министрам. Есть результат и есть работа. Но кадровые изменения могут произойти и с текущей командой. Пока я вижу, что все мои заместители и министры реально стараются, они вовлечены, они хотят показать результат. Главное, чтобы у человека было желание. Конечно же, я мониторию ситуацию на протяжении года. И некоторых министров пришлось поменять. Кстати, кадровые изменения могут быть и не в худшую сторону. Кого-то мы можем повысить, кого-то присмотрим в качестве главы района. Это будут движения по гори-

зонтали. Там, где слабые результаты, необходимо усиление. В таком случае придется командировать на проблемный участок руководителя, но не с той точки зрения, что мы его выгоняем. Мы направляем вытянуть ситуацию и настроить работу. Такое тоже применяется в управленческой практике, и я это считаю нормальным.

— Вы поставили условия главам районов, чтобы все они переехали жить в муниципалитеты, в которых работают. Они все смирились с этим, или кто-то по-прежнему ездит на работу из Смоленска?

— Смиряются. Понятно, что это не так быстро. У кого-то семьи, дети, но в большинстве случаев все идет к тому, чтобы постоянно там жить. Большинство так и делает. Мы этот вопрос доведем до логического завершения, у меня никаких сомнений по этому поводу нет.

— Василий Николаевич, обнаружили ли вы что-то неожиданное в работе главы региона, или всё совпало с тем, как вы себе это представляли?

— Так как я руководил департаментом регионального развития, большинство процессов мне уже было знакомо не понаслышке. Единственное, с чем я не сталкивался, это с публичностью. И политической составляющей, которая является неотъемлемой частью работы главы региона. В этом плане, конечно, мне приходится учиться, приобретая опыт путем собственных каких-то ошибок. Сам все узнаю, сам «наступаю на грабли». Всё так же, как и в любом новом деле. Для любого руководителя не стыдно учиться, это нормально. Просто некоторыми вещами я никогда ранее не занимался. Конечно, какие-то азы и навыки мы получили в рамках школы госуправления, которую курирует Сергей Владиленович Кириенко, и в рамках РАНХиГС. Но полевая практика была получена, конечно же, в течение этого года работы в регионе. Это выборы и высшего должностного лица Смоленской области, и депутатов областной Думы, и выборы президента нашей страны. За этот год прошло три избирательные кампании.

— И все оказались успешными.

— Слава Богу! Я очень благодарен жителям Смоленской области. Регион реально зазвучал. Такого количества голосов, которое было отдано за президента нашей страны и за «Единую Россию», здесь не было никогда ранее. Такой явки — тоже. Пришли и студенты, и педагоги, и врачи, много молодежи пришло, много пожилых людей. И я им очень благодарен за эту активность.

«Я очень благодарен жителям Смоленской области. Регион реально зазвучал. Такого количества голосов, которое было отдано за президента нашей страны и за «Единую Россию», здесь не было никогда ранее»

— Трое выборов позади, все трое — с успешными результатами. Есть ли еще чему учиться? Еще что-то придется осваивать в должности губернатора?

— Конечно, каждый день я получаю какие-то новые вызовы. Это очень живая работа. И она отличается от работы в аппарате правительства, где львиную долю занимала работа с документами. Здесь наоборот — больше с людьми и с решением их проблем. Поэтому, конечно, присутствует обилие и разноплановость проблем. А каждая новая задача и проблема, которую приходится решать, это опыт. Есть очень непростые истории, тем более сейчас, когда мы живем во время специальной военной операции. И мы проходим новой дорогой, на которой нам многое нужно сделать и для военнослужащих, и для членов их семей, и для адаптации тех, кто вернулся.

— Василий Николаевич, довольно часто приходилось слышать об огромном потенциале Смоленской области, который так и остался нераскрытым. И на самом деле, есть ощущение, что Смоленская область в свое время «проспала» что-то очень важное, а теперь время упущено и невозможно догнать другие регионы, которые рванули еще лет 25 назад. Уместны ли для нашего региона амбициозные планы, или уже не наверстать?

— Главное — не бросать руль и никогда не опускать руки. И догнать, и перегнать всегда возможно. Я придерживаюсь этого принципа, а я бывал в разных управленческих ситуациях. Важно не бросить руль, даже в плохих ситуациях. А сейчас экономика очень изменилась во многих процессах.

«Главное — не бросать руль и никогда не опускать руки. И догнать, и перегнать всегда возможно. Я придерживаюсь этого принципа, а я бывал в разных управленческих ситуациях»

Поэтому сейчас хорошее время для рывка. У нас поэтому все и перестраивается. просматриваются такие точки, на которые можно нажать. Они четко видны и, если у нас получится, мы можем нажать и сделать рывок. Мы вот за 2023 год неплохое движение сделали. Сейчас условия позволяют несколько шагов нам сделать быстрее. Но другие регионы тоже не дремлют. Команды региональные сильные есть. Но мы не робкого десятка! И не слабого десятка. Вот только одному бежать невозможно. У нас 27 районов, и должна бежать только команда. Команда в широком смысле слова. Даже люди, которые сейчас организуют уборку города Смоленска, — это тоже часть команды. Это тоже влияет на разные процессы — на туристическую привлекательность города, на его экономику. И если у нас получится организовать большой командой, то, конечно, мы двинемся быстрее. Для этого есть все возможности.

— Сейчас есть понимание, что будет происходить в строительном секторе (взят курс на комплексное развитие территорий, на современные технологии, на более активную застройку районов области). Понятны перспективы предприятий оборонки. Известны меры по решению кадровой проблемы (в здравоохранении, в образовательной сфере и других). В образовании, кстати, происходят такие перемены, которые не заметить просто невозможно, и я сейчас не только о строительстве студенческого кампуса говорю... А есть понимание, как будет сельское хозяйство региона развиваться? Складывается впечатление, что эта сфера как-то в тени информационного поля оказалась.

— Что касается сельского хозяйства, приоритетным для нашего региона является скотоводство — молочное и мясное. И здесь мы хотим сделать определенный рывок. Есть сейчас несколько инвестпро-

«Для того, чтобы давать оценку — оправдал или не оправдал — еще прошел маленький срок. Но могу сказать, что он [глава Смоленска Александр Новиков] работает действительно много, с самоотдачей. Он полностью вовлечен в процесс и чувствует на себе большую ответственность»

ектов, которые, предполагаем, дадут нам прибавку в 7 тысяч голов дойного стада.

— Это новый инвестпроект, или подразумевается расширение тех, что есть в регионе сейчас?

— Новый. Подробности анонсировать пока не стану, ставка достаточно высокая. Мы заявили на льготные программы министерства сельского хозяйства, ждем одобрения, условий, и тогда уже презентуем проект. Кроме того, мы активно начали работать по льну. Значительно расширили количество гектар под посев и сейчас стоим на пороге реализации действительно масштабного проекта — речь идет о производстве кормов для рыб. Производство будет в Вязьме. Это миллиарды рублей, уровень даже не областной — это

федеральный проект инвестиционный. Полностью экспортный продукт, связанный с кормовой базой.

— Не могу не задать вопрос о городе Смоленске. С одной стороны, это одно из муниципальных образований (которых в регионе 27), с другой — в Смоленске проживает треть населения региона. Кроме того, Смоленск — это витрина нашего региона и западная витрина России. Василий Николаевич, насколько вы как глава региона довольны работой главы областной столицы — Александра Александровича Новикова? Оправдал ли он ваши ожидания?

— Для того, чтобы давать оценку — оправдал или не оправдал — еще прошел маленький срок. Но могу сказать, что он работает действительно много, с самоотдачей.

Он полностью вовлечен в процесс и чувствует на себе большую ответственность. Это чувствуется по нему, я регулярно с ним общаюсь. И такой же высокий уровень тонуса он задает всей своей команде. И я смотрю — у всех там высокий уровень ответственности, желание не подвести. Не только меня — того человека, который рекомендовал Александра Александровича на эти позиции, но и не подвести людей. Всем хочется оправдать доверие и не упасть в глазах. Да, где-то не хватает, может быть, опыта, и это нормально, потому что Александр Александрович до этого руководил Десногорском, а это совсем другой город и по численности, и по масштабу задач. Но, вместе с тем, базовые навыки у него есть, понимание системы управления и системной работы есть. Он хорошо вникает в цифры, в аналитику, понимает суть процессов. Остальное — дело, как говорится, наживное. В целом команда работает, и она старается, она не безразлична. Самое плохое качество — безразличие. А если ты чувствуешь на себе ответственность, ты приходишь вечером домой — думаешь о работе, утром просыпаешься — думаешь о работе, значит всё получится.

— Василий Николаевич, вы провозгласили туризм одним из ключевых направлений в развитии региона. И вам удалось сделать прорывной шаг в этом направлении. Я имею в виду решение нашего президента о восстановлении Смоленской крепостной стены — уникального объекта культурного наследия. Вообще, Смоленская область входит в топ-20 регионов страны по количеству объектов культурного наследия. Поправьте, если

я не права, но есть ощущение, что турпоток пока еще не сопоставим с количеством объектов культурного наследия, которые мы имеем. Есть ли какие-то мысли насчет глобальных перемен в этом направлении? Пока не понятно, за счет чего мы собираемся увеличить поток туристов с 700 тысяч до миллиона в год. Может, стоит создать министерство туризма, чтобы оно плотно занялось этим направлением?

— Вы абсолютно правы, когда сказали о несоответствии объектов культурного наследия тому турпоток, который мы имеем. Но развитие туризма — это большая системная инфраструктурная работа. Туризм зависит не только от тех людей, которые отвечают непосредственно за эту сферу. Он зависит и от министерства ЖКХ, и от министерства строительства, и от министерства экономики. Их работа лежит в основе того, что увидит человек, который приезжает в регион. Первое — облик: насколько чисто, аккуратно, светло, как развита комфортная среда. Всё это тоже вклад в туризм. Второе — наличие гостиничного фонда...

— С гостиницами меняется у нас ситуация?

— У нас ощущается нехватка гостиниц высокого уровня — 4–5 звезд. Сейчас идет большой спрос именно на этот сегмент. С учетом введенных ограничений и санкций граждане нашей страны активно путешествуют по России. Да, у нас есть что посмотреть, но нужно привести всё в порядок. Туризм — это благоустройство, общественный транспорт (которым мы сейчас активно занимаемся), это гостиничный фонд, сама туристская инфраструктура — указатели,

турагентства, информирование. Помимо развития туристической важно участие в федеральных программах. В том году мы получили хороший грант на развитие и смогли сделать архитектурную подсветку зданий в центральной части Смоленска. И в этом году получим серьезные средства, которые направим на Гагарин и на Смоленск. В том числе — на создание гостиничного фонда. Мы стали участниками программы минэкономразвития, готовимся с двумя крупными инвесторами строить гостиницы люкс-класса (пять звезд). Чтобы у нас были все сегменты на любого потребителя: три звезды, четыре и пять. Маленькие отели у нас есть. А из крупных — только «Мегаполис», и он постоянно заполнен, поэтому нужно расширяться в этом сегменте. Мы работаем над этим, уже есть понимание, какие это будут объекты. Прорабатывается финансовая часть, финальную точку

надо поставить. После этого я уже смогу объявить о создании двух серьезных пятизвездочных отелей на территории города Смоленска.

— Но министерства отдельно пока создавать не планируете?

— Нет. Я принял решение соединить культуру и туризм. Потому что основной элемент привлечения туристов для нашего региона, как вы правильно отметили, это объекты культурного наследия. Нельзя отрывать одно от другого — должна сочетаться наша культура с направлением туризма. И этот синхрон я не хочу разрывать. У нас до этого туризм относился к экономике. Но экономисты думают об одном, а культура живет в своем мире. Мы должны подстраивать туристскую инфраструктуру под наши культурные достопримечательности, нужно их привести в порядок и под них все выстроить. И второе — это, конечно, паломнические туры. Я

«Мы приняли решение, что такому памятнику [Юрию Гагарину] быть. Рассматриваем сейчас варианты, где его можно расположить». В Смоленске бронзовый бюст Юрия Гагарина был установлен в день авиации 18 августа 1973 года в сквере на проспекте, носящем его имя

благодарен Владыке Исидору, Владыке Сергию, Владыке Мелетию, они активно помогают в паломническом туризме.

— Еще, как мне кажется, чего не хватает нашему региону с точки зрения позиционирования — это пропаганды громких имен наших земляков. «Смоленская область — земля Первых и Родина истинных патриотов» — ну прекрасно же! И, по сути, верно. Но когда люди приезжают в Смоленск и не видят там достойного памятника одному из самых великих наших земляков — Юрию Алексеевичу Гагарину, просто стыдно становится перед гостями. Василий Николаевич, есть ли надежда, что этот вопрос все-таки будет решен?

— Мы приняли решение, что такому памятнику быть. Рассматриваем сейчас варианты, где его можно расположить. Вы правильно сказали, что нам не хватает звучания громких имен наших земляков. Помимо этого решения по памятнику Юрию Алексеевичу в Смоленске, также принято решение о благоустройстве города Гагарина: это имя первого космонавта, это то, чем мы можем гордиться, смоленские корни этого легендарного человека должны знать весь мир, город должен выглядеть достойно. Далее. Мы активно готовимся к 220-летию Михаила Глинки, зимой начали ремонт городского сада, который носит имя великого композитора (или, как его еще называют, парк Блонье), хотим, чтобы к 1 июня там у нас уже все было в порядке.

Нам действительно надо продвигать наши бренды. Буквально через несколько недель мы откроем туристско-информационный

центр в Гагарине, мы только что открыли туристско-информационный центр на Белорусском вокзале в Москве, сейчас подыскиваем место для открытия туристско-информационного центра в Минске. Думаю, что мы также будем разворачивать их в приграничных регионах. Активно работаем с Москвой по билбордам — более двухсот билбордов в столице будет выделено на город Смоленск. За-

«Совместно с гроссмейстером Сергеем Карякиным мы возрождаем детские шахматные школы во всех районах Смоленской области»

брендируем электрички, поезда дальнего следования (у нас есть уже договоренность с РЖД). Сейчас запустили прямые электрички Москва-Гагарин. Спасибо, конечно, Мезенцеву Дмитрию Федоровичу и Грызлову Борису Вячеславовичу, которые выступили с инициативами открыть прямое сообщение Смоленска с Оршей и с Витебском, я их, безусловно, поддержу. Повторю, туризм — это большая инфраструктурная работа.

— **Василий Николаевич, сейчас задам вопрос, ответ на кото-**

рый ждут многие, поскольку эта история из серии прорывных проектов, история выхода региона на совершенно иной уровень. Речь идет о решении, принятом президентом России на том знаменитом совещании по развитию Смоленской области — о строительстве аэропорта в Смоленске. Информации никакой нет, поэтому многие скептики уже выразили большие сомнения на сей

счет. Аэропорт в Смоленске — это по-прежнему актуально?

— Работа в данном направлении ведется. Первое — есть самое главное решение, оно связано с передачей земельного участка, на котором располагается взлетная полоса аэродрома Смоленск-Северный. Решение принято министерством обороны, и в ближайшее время по поручению президента взлетная полоса будет оформлена в собственность региона. Кроме того, мы уже начали предпроектную работу, поскольку полосу нужно будет привести в соответствие с

современными требованиями. По результатам предпроекта поймем объем необходимых затрат и уже будем в этом направлении с правительством работать (поручение о формировании источников финансирования дал президент). Вопрос очень непростой, технически сложный и капиталоемкий. Поэтому пока не готов обсуждать сроки. Выйдет предпроект, и где-то к июлю уже будет более ясное понимание. Но мой настрой такой: раз уж мы первый шаг сделали, надо идти дальше. Потому что возрождение аэропорта — это, во-первых, улучшение качества жизни, увеличение мобильности населения. Мне часто серьезные руководители звонят, спрашивают, сколько ехать в Смоленск. А ехать 4–5 часов в одну сторону. Столько же назад. Для многих руководителей десять часов провести в машине — это непозволительная роскошь. Мобильность подтолкнет бизнес-инициативу, свяжет нас с крупнейшими регионами страны, с Республикой Беларусь. И, конечно же, это добавит региону туристов. Возрождение аэропорта — это серьезный структурный шаг, поэтому будем идти «тернистым путем», но будем стараться. Я настроен решительно.

— **За год интерес смолян к ЗОЖ, к активным физическим нагрузкам вырос на 20%. Эти цифры выведены на основе подсчета тех, кто воспользовался платными услугами. Но есть масса людей, кто не может себе позволить платные занятия. А кто-то предпочитает активность на свежем воздухе — бег, лыжи, ходьба. Но в Смоленске явно не хватает площадок для этого (три точки на весь город — только парки).**

Вот в Москве, например, помимо парковых зон, также и школьные стадионы доступны для всех желающих (во внеучебное время). В Смоленске же они остаются закрытыми за высокими оградями. Можно ждать изменений в этом плане?

— Давайте посмотрим, мы готовы изучить этот опыт. Качество нашей спортивной инфраструктуры пока оставляет желать лучшего. Сейчас мы делаем большие шаги в направлении популяризации спорта и привлечения кадров в спорт. Приняты соответствующие решения по зарплатам тренерам, по целевикам. И хочу сказать большое спасибо министру спорта Олегу Васильевичу Матыцину, который оказывает действительно большую поддержку нашему региону.

Теперь касательно спортивных объектов. Мы изыскали средства на переобустройство и аттестацию профессионального футбольного поля в университете спорта. Для проведения соревнований среди студенческих и юношеских команд будет обустроено поле в Красном.

При активной поддержке Росатома у нас развивается баскетбол 3х3. По этому набирающему популярности игровому виду спорта в регионе проводится огромное количество соревнований, в том числе, международных. В ближайших планах у нас — распространение и популяризация баскетбола 3х3, как в областном центре, так и в муниципалитетах (Гагарин, Десногорск и т.д.).

Совместно с гроссмейстером Сергеем Карякиным мы возрождаем детские шахматные школы во всех районах Смоленской области.

Я прекрасно понимаю, что смоленский зритель истосковался по

массовым игровым видам спорта. По хоккею, в частности. И мы уже приняли все необходимые финансовые решения для переоборудования площадки в ФОКе «Юбилейный», где будем проводить хоккейные турниры в студенческой, юношеской и взрослой лигах.

Благодаря поддержке министра спорта мы вошли в число пилотных регионов, где будет организован современный фиджитал центр. Это вообще совершенно новое направление в спортивных состязаниях.

Ну и плюс в районах мы возрождаем, ремонтируем и строим спортивные площадки: стадион «Салют» в Вязьме, крупный ФОК в Сычевке, ФОКи в Угре и Ельне, поле и трибуны в Шумячах, роллерная трасса в Ярцево. Цель здесь понятна — мы хотим, чтобы молодежь оставалась жить и работать в регионе, и мы должны создать комфортные условия для жизни. Не должно быть большого разрыва в качестве жизни в областном центре и районах. Должны быть хотя бы в районном центре, как минимум, спортивные секции, учреждения культуры, ДК, детский сад, общеобразовательная школа, и благоустроенное пространство — куда можно выйти погулять. Эти базовые составляющие должны быть в каждом районном центре. Мы сейчас ремонтируем школы, восстанавливаем учреждения культуры, детские школы искусств, различные секции. Чтобы в райцентре была жизнь, и семья могла получить весь комплекс услуг — и для детей, и для взрослых. Мы к этому стремимся, к этому целенаправленно идем.

— **Второй раз за этот год вы объезжаете все районы области, встречаетесь с жителями в фор-**

мате открытого микрофона. По вашим наблюдениям, изменились ли настроения смолян?

— Знаете, вопросов стало не меньше. Но если первый раз с настороженностью встречали, то сейчас уже люди более открыты. Фон этих встреч сейчас благоприятный и очень позитивный. Понятно, что вопросов всегда много, и будет много, есть над чем работать. И я благодарен жителям за активность, потому что порой члены моей команды могут не обо всем доложить. А жители уж точно не умолчат о каких-то проблемах в районах. А из вот таких вот «маленьких» проблем, о которых мне говорят люди, уже можно продумать и системные меры. Я обязательно продолжу посещение районов.

— Василий Николаевич, за этот год пришлось какие-то непопулярные решения принимать?

— Смотря как расценивать. Если с популистской точки зрения смотреть, то, наверное, повышение оплаты труда муниципальных служащих — непопулярное решение. Но с точки зрения жизненных реалий оно абсолютно правильное и назрело давно. Потому что можно критиковать муниципальную власть, но при низкой зарплате там вообще не останется людей, никому будет вопросы решать. Никто уже не идет туда работать. А именно муниципальная власть решает проблемы граждан. Если у нас не будут укомплектованы наши муниципальные образования, то кто решать будет? Хотелось бы, чтобы престиж муниципальной службы порождал конкуренцию. Чтобы туда приходили более сильные управленцы. Пока в этом плане у нас большой кадровый голод.

— Позволю себе высказать оценочное суждение, но думаю, вряд ли вы станете с этой оценкой спорить. Вы — руководитель сильный и весьма жесткий. Это школа Марата Хуснулина или с детства привыкли во всем всегда добиваться максимального результата (и даже большего, чем возможно)?

— Наверное, это связано с историей жизненного пути. Когда стараешься «выкарабкаться» во всех смыслах слова. Из маленького города, из вуза, когда у тебя нет каких-то «влиятельных» знакомых. Я всего добивался сам. Отсюда у меня жесткие требования, прежде всего, к себе и к результату. Главное — результат. И, конечно, работа в правительстве, работа с Маратом Шакирзяновичем (у которого сроки — «завтра»), тоже наложила отпечаток и дала свой опыт. Самое главное, что это дает эффект, и грех этот опыт не применять, от меня сейчас требуется только результат, я это прекрасно понимаю.

— Как вы реагируете на негативные комментарии в соцсетях или в прессе?

— По-разному. В соцсетях сложно иногда бывает разобрать, кто стоит за тем или иным постом — это реальные люди или боты, или люди, которые вообще не имеют отношения к нашему региону. Но в целом, считаю, что критика полезна. Это нормально с точки зрения понимания, на что необходимо обратить внимание. Понятно, что есть люди, которые хотят, чтобы изменения происходили быстрее, и им неважно, почему этого не случается мгновенно... Но бывает же и конструктивная критика, это нормально, более того — полезно. Единственное, не приемлю переход на личности,

если это касается моего близкого окружения, меня это по-человечески, конечно, задевает. Но я стараюсь не обращать внимания, тем более, времени на подобные эмоции не остается. Всегда надо идти дальше, дело за меня никто не сделает. Не считаю нужным заострять внимание на каждой нелицеприятной новости, надо идти дальше. Потом результат будет ярче. Сейчас много процессов уже запущено, где-то еще на уровне документации, где-то идет работа, но пока результат невозможно «пощупать». Поэтому иногда со стороны еще сложно оценить, правильно ли мы идем, и людей здесь можно понять. И часто люди абсолютно правы, они заждались улучшений, им хочется быстрее. Но масштаб необходимых изменений такой, что сделать это в одночасье невозможно. Это требует и финансовых затрат капитальных. И вот с чем я столкнулся в прошлом году: мы получили значительный объем финансов на капремонты, а система управления капитальным строительством не смогла этот объем «переварить», не справилась. То есть, когда система была на одной емкости финансирование настроена, она работала. Когдакратно увеличили финансирование — «сломалась». Пришлось принимать экстренные меры, кадровые решения и так далее. Для любых процессов нужно выстроить систему, чтобы она работала. В том числе, с уборкой города Смоленска. Я считаю, еще далеко не до конца достроен процесс. Сначала не было людей, потом не было техники, сейчас все появилось, но нет правильной организации мониторинга и контроля. Это большой процесс. Конечно, когда ты выходишь из дома, ты хочешь сразу видеть результат. Но чтобы до него дойти, этот путь нужно пройти,

нельзя попасть из точки А в точку Б через телепортацию. Поэтому многие процессы сейчас отстраиваем. Где-то получается быстрее, где-то медленнее, приходится по пути менять кадровый состав...

— **Василий Николаевич, представьте, что вы садитесь за руль автомобиля, включаете зажигание, нажимаете сцепление, газуете, трогаетесь с места. Ваш**

этом не было выгорания. Моя задача — поддерживать скорость, не отбив желание у людей работать. Я всегда говорю — мы не спринтеры, мы марафонцы, нам еще долго бежать. Нам главное из спринтерского бега сейчас перейти в марафонскую дистанцию. Только так все получится.

— **Как вы видите свою сверхзадачу на посту губернатора Смо-**

мы внедряем для решения этих вопросов, это мы только зерно посеяли. И надо еще пройти путь, чтобы появились всходы, чтобы потом всё заколосилось. Это самая сложная и самая важная работа. Потому что люди — это ядро региона. Они создают экономику региона, создают здесь всё! От «покрасить-побелить» будет визуальный эффект, но экономика все равно будет стагнировать, если ядра не будет. Сейчас мы делаем ставку на целевиков. Мы в том году практически в 10 раз увеличили набор целевиков (порядка 300 человек набрали). А в этом году наберем уже полторы тысячи. Это те люди, которые пойдут работать в нашу систему здравоохранения, образования, в спорт, в культуру. Люди, которые останутся работать здесь, в Смоленской области. Сейчас мы соединяем предприятия с учреждениями профобразования, меняем профили колледжей под нужды конкретных предприятий. У нас сейчас нет распределения (врачей, учителей и так далее), а через целевой набор, через доплаты, предоставление жилья мы возвращаемся к этой системе. Главное, чтобы регион прирастал людьми, потому что это основа всего.

«Если первый раз с настороженностью встречали, то сейчас уже люди более открыты. Фон этих встреч сейчас благоприятный и очень позитивный. Понятно, что вопросов всегда много, и будет много, есть над чем работать»

первый год — это какая из перечисленных операций?

— На газ мы уже нажали, поехали. Главное — не сбавить скорость. Это непросто. Одно дело — давить на педаль, а другое — поддерживать скорость. Это разные процессы. Здесь могут быть и выгорание, и психологическая усталость, и где-то срывы и нежелание выполнять задачи. Надо чтобы все работало в нужном режиме и при

ленской области? Есть какая-то высшая цель, которую необходимо достичь?

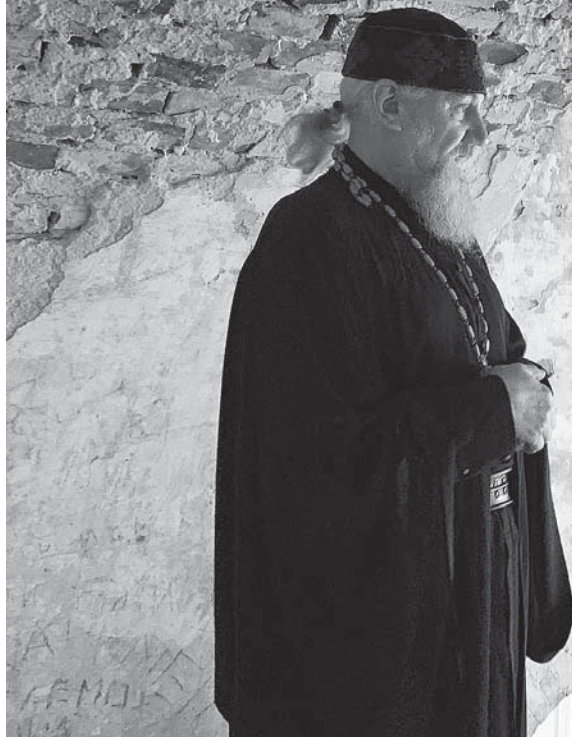
— Знаете, есть быстрые процессы, такие как — покрасить, убрать. А есть процессы фундаментальные, и в них нельзя получить результат быстро. Прежде всего, это кадры (врачи, учителя, рабочие самых разных специальностей), это закрепление молодежи в регионе. Ведь весь комплекс мер, которые

— **Какой вопрос вы ожидали услышать, но не услышали?**

— Нет такого. Базовые направления мы все обсудили... Может быть такой: «Василий Николаевич, как вы оцениваете свою работу?» Я бы ответил, что ее рано оценивать, потому что предстоит еще очень многое сделать. Педаль мы нажали, но оценки по году я бы себе не подводил. Где-то я не доволен результатом, где-то пока еще он находится в процессе. Динамика нормальная, но нужен результат. ■

Ратная вера смоленской глубинки

Иеромонах Вонифатий: «Как на СВО поехал? Машину загрузил и поехал. Где ещё быть монаху в такое время? Там надо быть, там наши бойцы»

Екатерина СИДОРЕНКО

В Смоленске утро начинается с суеты, но она кажется беззаботной и сводит всё к простой истине: каждый живет свою жизнь. В это же время в Ершичах утро с наградой «За боевые заслуги» встречает боец СВО, а местный настоятель собирает гуманитарную помощь «за ленточку»...

Конец марта. В машину я падаю лишь в девятом часу утра. День в Смоленске вновь начался с предрабочей суеты: мусоровоз не поделил дорогу с соседом-механиком, тротуары оказались заблокированы вереницей родительниц с детскими колясками, а газоны — собачниками.

Странно, но эта суета кажется беззаботной, даже заземляющей. В

конечном счёте всё сходится к простой истине: каждый занят своим делом. Живёт свою самую обычную, но, вероятно, в своей простоте самую необыкновенную жизнь.

Человек вне протокола

В это же время в ста пятидесяти километрах от Смоленска Виктор Глушнёв уже стоял в военкомате села Ершичи. В этом селе он бывает часто не только по долгу службы, но и по зову сердца (иногда и оба варианта: сам район небольшой и пронизан крепкими дружескими и семейными узами). Но сегодня повод особый.

Сегодня Виктору вручат медаль «За боевые заслуги».

Сам Виктор, который принял удар СВО одним из первых в России, эту новость переносит по стойке «смирно». Пока весь район радуется за него, он молча натягивает поверх формы зимнюю куртку и едет в администрацию: там его уже ждут глава района, местные жители и предприниматели, пожелавшие «материально поддержать» земляка.

Решив разделаться с нависшей славой побыстрее, Виктор стремительно рассекает квадратные метры кабинета и перемещается к столу с заслуженной наградой. Пафосность момента необратимо разрушена — ни громких речей,

ни горячих рукопожатий от Глушнёва дожидаться не удалось.

Оно и понятно: человек, прошедший через «мясорубку», коей предстала для героя моего рассказа командировка «за ленточку», в своём сердце оставил место для кое-чего более важного, чем просто бахвальство.

Эта награда для него не просто приложение к парадной форме. Это, прежде всего, знак признания Родиной. А с ней у Глушнёва разговор особый, не признающий белых рубашек и накрахмаленных воротничков.

Виктор Глушнёв был командирован в зону проведения специальной военной операции ещё на самой её заре. В 2022 году его и однополчан отправили на передовую в Изюм. Там он получил тяжёлое ранение — осколок прилетел в ногу, разрубив конечность практически до сустава. Медики кропотливо собирали бойца, кости словно пазлы в итоге сложились воедино, позволив мужчине избежать ампутации. Но несколько лет ему придётся ходить с внутренней фиксацией из пластин.

— В рубашке родился!

— В тельняшке. Просто, когда осознание значимости есть, тогда жизнь сама к тебе липнет.

Виктор заходил в зону СВО в составе мотострелков. О его участии в спецоперации на Украине жена узнала гораздо позже: долгое время Виктор кормил семью байками об учениях. Врать он не умеет, но тогда ситуация диктовала новые правила игры.

«Главная моя мотивация — не допустить такого, чтобы к нам с той стороны зашли, освободить свои исторические земли. Сейчас каждый стремится своих найти

и помочь им: там, на фронте, у кого-то находится брат, у кого-то отец или друг. Я каждому из них хочу пожелать, чтобы были здоровы и вернулись живыми», — говорит Виктор.

Невидимый фронт

О возвращении бойцов смоляне не просто просят, но всю душою молятся. Вера стала сигнальным маяком во спасение и символом единства.

— Они служат, и мы служим, — так настоятель храма Рождества Пресвятой Богородицы в деревне Корсики иеромонах Вонифатий говорит о своём призвании.

Сам он из Красногорска (того самого городка, который после трагических событий 22 марта в «Крокусе» возглавил новостную повестку). В смоленской глубинке оказался «по Божией воле», а настоятелем стал по благословлению епископа Рославльского и Десногорского Мелетия.

Слово Божие он несёт не только в сердца смолян, но и за пределы уже ставшей родной земли. «За ленточкой» бывал не раз.

— Как на СВО поехал? Машину загрузил и поехал. Где ещё быть монаху в такое время? Там надо быть, там наши бойцы.

Как и Виктор, настоятель отправился «за ленточку» в числе первых. Ехал к военным с гуманитарной помощью, которую собирали всем районом: провиант, одежда, письма бойцам. Теперь такие поездки он устраивает регулярно.

Новость о священнослужителе с железным характером широко разошлась среди местных жителей: объёмы собранной гуманитарки кратно возросли.

— Не так давно стали восстанавливать храм здесь. Он всё пережил: и дискотеки, и овчарню, и конюшню, и зернохранилище. В какой-то момент остались лишь стены, не было куполов, росли из крыши берёзы. А потом по Божией милости всё начали приводить

Виктор Глушнев: «Главная моя мотивация — не допустить такого, чтобы к нам с той стороны зашли, освободить свои исторические земли. Сейчас каждый стремится своих найти и помочь им: там, на фронте...»

в порядок. Храм, вообще, по сути своей, — примирительный: крышу делали здесь грузин, абхаз и осетин. Не было у них ссор, был кусок мяса на всех и графин с вином, вот так вместе и работали.

Невидимым фронтом развернулась борьба с искусственно навязанной враждой многонационального народа России. Но лишь единство, которое обретают люди в вере, убеждён иеромонах Вонифатий, станет ключом от многих закрытых дверей.

— Мы отошли от Бога и опять насмерть друг друга колотим, притравили нас очень хорошо. Но горе тому, кто притравливал — не одумается, пока не получит. А они получают, я не со зла это говорю. Кто в ладоши хлопает, тот и будет получать. Мы порой забываем, что живём на Божией земле и делим не своё. Нам Господь дал Россию, мы должны за неё стоять. Там

в окопах все одни, нет там сугубо русского, сугубо азербайджанца, таджика. Здесь мы должны устоять, не дать разгореться ничему, что пытаются разжечь. Мы должны крепко стоять на ногах. Нельзя допустить, чтобы это нас сбило

с ног. Победа будет, и, поверьте мне, она будет общей.

По ту сторону зимы уже вовсю тускнел март, искрами заходились лишь отражения деревьев и домов в полынье.

— Все в мире создано, чтобы возрождаться.

Иеромонах Вонифатий встречает очередную весну в окружении беззаботно пробудившихся берез и колосьев. Сегодня (как и в любой другой день) в смоленской деревне Корсики спокойно и почти безлюдно. В своих заботах пробегают мимо утки, им в след шипят гуси, блеет коза. Сегодня в свои гнезда вернулись аисты. Наступила пора возрождения.

Сейчас этот процесс стал не просто природным, а приобрел общечеловеческий масштаб. И зиждется он на опорах более древних и крепких. Главная из них — вера. ■

Всем миром

В госпиталь ЛНР отправилась очередная партия гуманитарного груза из Смоленска

Сбор организовали члены Молодежного парламента при Смоленской областной Думе. Для Молодежного парламента это уже не первая поездка на освобожденные территории в рамках проекта «Всё для фронта». В этот раз гуманитарный груз отправится в прифронтовой госпиталь ЛНР.

В поездке также приняли участие волонтеры из организации «Белая Русь» Республики Беларусь, которые передали необходимые вещи и медикаменты.

Целый месяц груз собирали неравнодушные смоляне, волонтеры, общественные организации Смоленской области, сенаторы от Смоленской области, председатель Смоленской областной Думы и депутаты Думы.

«Я считаю, что эта поездка важная и значимая. То, что вместе с нашими ребятами едут волонтеры из Беларуси — это важный фактор сближения молодежи, дружбы между братскими народами, — подчеркнул председатель Думы Игорь Ляхов. — Бесспорно, письма и посылки из дома — это очень ценно. Наши ребята на постоянной основе

выезжают на освобожденные территории, передавая лекарства и вещи нашим бойцам «за ленточку». Мы как старшие коллеги помогаем им собрать все необходимое».

Общественные организации Смоленщины — волонтеры, коллективы медицинских учреждений (областной больницы, травматологического центра) — все они не остались в стороне и внесли свой вклад: вместе удалось собрать необходимые медикаменты, средства гигиены, продукты питания. Более того, защитникам везут даже настольные игры и музыкальные инструменты — боевой дух земляков не менее важен.

Посылки для героев присылали со всех уголков Смоленщины — к сбору присоединились неравнодушные жители Починка, Гагарина, Вязьмы, Рославля, Смоленска. Активное участие в сборе помощи приняли смоленские сенаторы Артем Малащенко и Руслан Смашнёв.

«Груз, который уходит сегодня, пойдет в один из госпиталей — в нем проходят лечение и наши земляки. Очень отрадно, что груз формировался смолянами — нерав-

нодушными горожанами, партийцами, волонтерами, депутатами Госдумы, Смоленской областной Думы», — отметил координатор проекта «Всё для фронта» Артем Малащенко.

К доброму делу ребят из Молодежного парламента также подключилась Елена Потапенкова, руководитель общественной организации «Ваш Тыл 67». Ее активисты — волонтеры, плетущие маски для наших бойцов — собрали продукты и вещи первой необходимости. Также Елена Потапенкова помогла с транспортом.

Высшие и средние специальные учебные заведения Смоленска тоже приняли участие в отправке полезного груза. Во многих посылках — письма бойцам: ребята искренне переживают и желают скорейшего возвращения защитников домой.

В составе гуманитарного десанта — ребята из Молодежного парламента Смоленской области во главе с председателем Давидом Чагаряном, волонтеры из «Молодой Гвардии Единой России» и их руководитель Егор Цыганов, а также активисты «Ваш Тыл 67». ■

Дмитрий Ковалев

«Там были беременные мертвые женщины.
И я понял, что самое страшное — это
терроризм, это самое яркое проявление
фашизма»

«Я ВЕРНУЛСЯ». Информагентство «О чем говорит Смоленск» презентует новый проект, героями которого стали смоляне, вернувшиеся домой из зоны СВО

Это честный и открытый разговор о главном. «Я ВЕРНУЛСЯ» — наш новый проект, героями которого стали смоляне, вернувшиеся домой из зоны СВО.

Без всяких преувеличений можно сказать, что все эти ребята — достойная смена своих героических предков, защитивших от фашистов весь мир.

Преимственность поколений — как раз то, на чем всегда стояла наша страна. К сожалению, с каждым годом ветеранов Великой Отечественной войны становится меньше. И не все они (в силу здоровья) могут рассказать подрастающему поколению об истинных ценностях, которые познаются зачастую ценою жизней людей.

Сейчас эту патриотическую эстафету «личного примера» подхватывают участники СВО, которые в очередной раз спасают мир от нацизма.

«Такие, безусловно, не отступят, не подведут и не предадут». Теперь они являют собой пример — не только для молодежи, но, быть может, и для своих ровесников. Причем, они не просто патриоты России, не просто воины, но и люди, которые могут с честью преодолевать физические и психологические трудности. А возвращаться в мирную жизнь тем, кто сражался «за ленточкой», кто терял своих товарищей в бою и сам побывал на волосок от смерти, очень непросто.

Но «афганский синдром» — это не их история. К счастью, это явление осталось в далеком прошлом, в том «смутном времени» 90-х, когда государству не было никакого дела до своих героев.

Наша страна милостью Божией «очнулась», и теперь участники СВО должны стать «новой элитой России», как говорит Путин. В про-

екте «Я ВЕРНУЛСЯ» мы хотим отследить, в том числе, и то, как страна встречает своих героев нынче.

Наши интервью с участниками спецоперации в рамках проекта — это разговор об их военных буднях и подвигах, о мотивации, о том, как они возвращаются к мирной жизни: какие сложности, какие планы и мечты, что они думают о мирной жизни, кто и как помог им реализовать себя после возвращения домой...

Наш первый герой — Дмитрий Ковалев. Дмитрий прошел через многие горячие точки, защищал Донбасс и, когда началась спецоперация, сразу решил: «Я должен там быть». Он пошел сражаться, невзирая на то, что попасть на СВО через военкомат не позволяло состояние здоровья. Он знал, что должен быть там, и добился своего. Демобилизовался и вернулся в Смоленск после полученного ранения. Награжден медалью «За отвагу» (за проявленные мужество и героизм).

Сейчас Дмитрий Ковалев работает руководителем службы безопасности в одном из сетевых ТЦ и получает второе высшее образование по специальности «Государственное и муниципальное управление». Также он активно занимается военно-патриотическим воспитанием молодежи.

— «Есть такая профессия — Родину защищать». Дмитрий, вы с детства мечтали защищать Родину?

— Во втором классе я прочитал книгу «Солдаты неба» Арсения Ворожейкина и сразу загорелся стать летчиком. Потом летная романтика у меня ушла, но мечта стать офицером и защищать Родину осталась — это с детства, да. Кто-то космонавтом мечтал стать, кто-то врачом. А

я с детства не просто мечтал, я знал, что стану офицером. Во многом на мой выбор повлияла бабушка, хотя она человек мирной профессии, она медик. На фронте она с 1941-го года, служила старшей медицинской сестрой в эвакогоспитале, в самом проблемном отделении — там тяжело раненых одновременно содержалось по 300–400 человек — можете себе представить?.. Она оперировала и ставила на ноги бойцов во время обороны Ленинграда, операций по прорыву и снятию блокады, освобождения Прибалтики, боях в Восточной Пруссии — по несколько суток без сна приходилось работать. Только за 1944-й год через её руки прошло более четырех тысяч пациентов! После окончания войны в звании младшего лейтенанта медицинской службы была уволена в запас. И она для меня всегда была примером. Дедушка тоже воевал, но он рано ушел из жизни, мне было 5 лет. А бабушка дожила до 95 лет, очень много мне рассказывала о войне. И она всегда была тем человеком, на которого я стремился равняться. Хотя профессия мирная — медик. Но когда я уже стал ездить в горячие точки, я стал осознавать, что эта «мирная» профессия на войне иногда важнее, чем военная...

— Ваш отец был военнотружеником?

— Нет. Папа у меня инженер-электронщик, а мама окончила строительный техникум, работала инженером по технике безопасности в управлении капстроительства на авиазаводе. Моя жизнь прошла на Покровке Заднепровского района.

— Родители поддержали ваш выбор, когда вы решили стать военным?

— Да, поддержали, они всегда с пониманием относились. У меня в семье не было такого: «будешь этим, пойдешь туда». Поэтому к профессии офицера я стал готовиться загодя — занимался в полуподпольной качалке, которые тогда появились, тягал железо, занялся рукопашным боем. Учился я легко, это досталось на генном уровне от родителей. Хоть не был хулиганом, не состоял ни в каких группировках, но школу прогуливал частенько, и из-за этого и оценки страдали. В итоге я окончил школу со средним, скажем так, аттестатом, было две тройки. И когда пришел в военкомат и сказал, что хочу поступать в Рязанское высшее воздушно-десантное училище, мне там честно сказали, что шансов у меня на поступление нет. Там половина набора — медалисты, которые идут без экзаменов, и конкурс там дикий. Просто съездить и потерять год не хотелось, и я выбрал Новосибирское высшее военно-политическое училище, потому что там готовят политработников в спецподразделения. А я мечтал попасть именно спецназ. Оттуда мне пришел отказ, и по итогу я поступил в Ленинградское высшее военно-политическое училище ПВО. Я влюбился в Ленинград сразу и окончательно. Я раз в два года обязательно бываю там, это мой любимый город. Тем более, я знал, что там бабушка пережила, поэтому этот город как второй родной для меня. Училище, в котором я учился, было престижным в советское время, учился я нормально, но в мою судьбу вмешалась политика. Это был 89-й год, и в стране назревали перемены, и в 92-м году — за полгода до окончания училища — меня, как и многих других моих товарищей,

сократили в связи с переформированием училища. Мне предложили ехать на нашу базу в Горелово, на базу училища радиоэлектроники из Вильнюса. Но, во-первых, я не технарь по сути своей, а во-вторых, там перевод был на 2-й курс, то есть еще 4 года учиться (плюс к моим трем, которые я уже отучился). Я решил, что 7 лет курсантом быть — это перебор. В итоге я, принявший присягу в 16 лет, в 19 лет оказался на гражданке. Я вернулся в Смоленск и устроился для начала в отдельную роту милиции по охране государственных объектов и учреждений.

А в 1993-м году случилась моя первая командировка, первая горячая точка, мой первый вооруженный конфликт — Ингушетия с Северной Осетией. И я, будучи сержантом, в составе сводного отряда Смоленской области попал в столицу Ингушетии. Тогда впервые понюхал пороха. Особых боевых действий там тогда не было, но пришлось немного применять оружие. Отпечаток это оставляет в любом случае, серьезно меняет представление об окружающем мире. Месяц мы там были (потом командировки увеличились до 45 суток, потом — 3 месяца, потом — на полгода).

В том же 1993 году я поступил в юридический институт МВД, это был первый набор. Я все сдал на отлично, уровень знаний был после военного училища отличный, экзамены дались легко. И как раз в это время образовывается СОБР, и я думаю — вот оно, моя мечта. Но я же сержант, а там только офицеров брали — минимум капитанская должность. Но с учетом того, что я практически окончил училище, плюс поступил в институт МВД я, сдав положенные нормативы, все

же был зачислен в специальный отряд быстрого реагирования. Ну и начались трудовые будни. А в 1995-м грянула Чечня, и я попал в Буденовск.

— Как раз тогда, когда Басаев захватил больницу?

— Да. Тогда я впервые близко столкнулся лицом к лицу с понятием «терроризм». Это, наверное, из всей моей жизни, из всех боев, которые я прошел, самое тяжелое воспоминание. От самого факта терроризма. Это была абсолютно новая для меня вещь. Конечно, мы знали, что в мире такое происходит, читали в газетах, видели по телевизору... Но когда сталкиваешься с этим лицом к лицу, это невозможно передать словами... Мы их выпустили тогда по указанию руководства страны (Ельцин Борис Николаевич «приболел» как обычно, Черномырдин дал команду их выпустить).

— Дмитрий, я не буду даже спрашивать, что вы и ваши боевые товарищи чувствовали после такой команды. Но вопрос о том, что вас больше всего потрясло тогда в Буденовске, позволю себе.

— Когда мы вошли на территорию больницы, увидели трупы больных обычных людей. В палатах. К корпусу роддома я подошел метров на тридцать, ближе не смог... Там были беременные мертвые женщины, никто из нас не смог ближе подойти. И я понял, что самое страшное, что может быть в мире — это терроризм. Убийство ни в чем не повинных людей. Они не участники боевых действий, они просто пришли лечиться. Дети, женщины, старики. И я тогда понял, что басаевцы — не люди. Знаете, когда после Великой Отече-

ственной войны наших снайперов спрашивали: «Сколько людей ты убил?», они отвечали: «Ни одного». «Но откуда тогда у тебя же столько наград?» «Это были не люди, это фашисты». И я тогда понял, что террористы — это не люди, как к людям к ним относиться нельзя. И те события в Буденовке — это было самое сильное впечатление от столкновения с фашизмом. Мне тяжело об этом говорить. Ну и потом были командировки в Чеченскую Республику, зачистки, бои. Мы всегда говорили — это работа, мы ездим на работу. И с того времени я привык к этому. И часто вспоминал слова из фильма «Офицеры» — «Есть такая профессия — Родину защищать». Это действительно профессия. Это работа настоящего мужика — защищать своих близких, свою Родину.

— Мне не раз приходилось слышать, что командировки в горячие точки меняют людей, что они возвращаются другими. Что меняется в человеке?

— Всё. Представления об окружающем мире, о человеческих отношениях, меняется отношение ко всему. Вопрос в том — в какую сторону. Были и такие, кто озлобился, начал ненавидеть весь мир. Были те, которые, как наркоманы, получали от этого заряд адреналина и не могут больше без этого ощущения. Я их в чем-то понимаю. Но не потому, что мне нужен адреналин. Лично мне не хватает тех отношений, которые всегда есть внутри боевого братства, той честности. Не хватает ощущения близкого, надежного плеча рядом. Там не обманут, не предадут, там все честно. Ты знаешь, что он тебя от пули прикроет, и ты прикроешь, это даже не обсуждается.

— Я правильно понимаю, что в боевых условиях люди меняются в лучшую сторону?

— Абсолютно. Они становятся чище. Основная масса. У них другое понятие о правде, о чести, о справедливости. Вернувшись домой, они будут продолжать защищать своих близких, но уже в мирной жизни. Почему мы так быстро подняли после Великой Отечественной войны нашу страну из руин? Потому что пришли фронтовики, они стали на место прорабов, строителей и так далее. Почему

но, что началась некая нервозность. И даже появились такие разговоры, что мол, когда те, кого призывают, вернуться назад, это будет как с воинами-афганцами. Что это будут «лишние люди», которые не найдут себя в мирной жизни и поэтому озлобятся.

— Я прошел не один вооруженный конфликт, и могу сказать, что как бы ни относилось государство, я ни разу не почувствовал себя «лишним». Те разговоры, о которых вы упомянули, не имеют под собой никаких оснований. Посмотрите,

«Я люблю работать с детьми, получаю огромный заряд энергии. У меня уже никого нет, и сейчас то, что я могу передать этим ребятам, это моя жизнь»

Владимир Владимирович [Путин — Ред.] говорит, что надо участников СВО надо ставить на руководящие должности? Он прекрасно понимает, что оттуда придут другие люди: честные, неподкупные, преданные своему делу. И если они станут на руководящие посты — все будет меняться в лучшую сторону.

— Когда началась мобилизация, всё это было совершенно новым для большинства, понят-

какой градус патриотического воспитания, посмотрите весь комплекс мер поддержки участников СВО и их семей. Отношение государства к ветеранам СВО сейчас такое, что уважение к ним со стороны общества — это государственная задача. И правильно делает государство. Эти люди, которые сейчас там, на передовой отстаивают наши интересы и право нашей страны идти своим путем, а не жить под диктовку коллективного Запада, эти

«Мы и так потеряли два поколения минимум, которыми не занималось ни государство, ни семья, ни школа, ни церковь, никто вообще. И еще одно поколение мы не можем потерять»

люди вернуться и точно не окажутся не у дел. Сейчас принято много законов именно о том, как встроить их в мирную жизнь. Поверьте, у этих ребят нет озлобленности. И если обратиться к историческим событиям, катастрофа в этом плане была после Великой Отечественной войны, как раз, когда была объявлена амнистия для бандеровцев. Когда зеков выпустили в честь Дня Победы из тюрем. А не тогда, когда фронтовики вернулись. Тогда вернулись десятки миллионов людей, прошедших страшнейшую войну. Они провели пять лет в окопах. И люди не озлобились, они пришли другими, но не злыми. Я три года на Донбассе пробыл (с 2016-го по 2019 год). Я тоже видел, как люди там живут, я был добровольцем. Я про-

сто уверен, что там люди другие, чище, добрее. Я в отпуск приезжал сюда, и здесь видел совсем других людей... более равнодушных, более закрытых. А там они готовы последним поделиться.

— Дмитрий, я понимаю, о чем вы говорите. Мне довелось в 2014 году сразу после присоединения Крыма поехать туда в составе делегации города Смоленска (Керчь мы посетили). И я помню свои ощущения — чистоты, доброты и искренности, которая шла от этих людей. Они скандировали «Россия, Россия!» И когда мы уже уезжали после одной из встреч, к нам подошел человек (в возрасте) и очень эмоционально воскликнул: «Вы только больше нас не бросайте!» Вот это всё до слез...

— Точно такие же слова были в 2022-м году, когда мы проезжали через Мариуполь. Мы остановились подождать наши машины, вышли на улицу покурить, стояли минут 20–30. Город только освободили, в апреле, а мы проезжали в июле. Остановились мы возле какого-то магазинчика. Там нам сразу стали воду кипятить. Мои бойцы стоят, и к ним подъезжают мальчишки на велосипедах. Лет по 8–10 им. Подъехали, перекинулись парой слов и уехали. Подходит ко мне один боец, говорит: Дитрих (это мой позывной), тут записку передали. Я разворачиваю этот клочок бумаги (из тетрадки вырван листок), и там написано: «Дяденьки, пожалуйста, не бросайте нас больше и не уезжайте!» Это дети, которые не станут врать, которых не заставляли подходить и так делать, они сами так решили. Чистые и честные люди. Поэтому, когда говорят, мол, «Россия напала», я сразу

хочу спросить: а что вы знаете? Вы были там? Вы были на освобожденных территориях, вы видели, как на самом деле к нам относятся? Да, есть отдельные личности... И у нас такие есть «с антивоенными настроениями», а на самом деле это экстремисты. У меня товарищ плотно занимается гуманитаркой, постоянно туда возит грузы — инсулин, еще что-то. И он говорит: это не сказки, действительно, там дома отстроили, жилье дают людям, которые потеряли кров. Люди видят это, видят это отношение. Они счастливы. Поэтому те, кто говорит, что мы захватили землю — ну, смешно! Да у нас земли этой «выше крыши!» Мы пошли своих людей защищать, которых стали гнобить эти фашисты. Я там был, и я это видел.

— Вы три года провели на Донбассе и вернулись в 2019 году. Были причины?

— Там наложились сразу несколько ситуаций. После второй контузии у меня произошли сразу два события: умер сын в 24 года, и умерла бабушка. Ну и мой организм этого не выдержал, у меня случился инсульт в Луганске, повезли в больницу... Я даже на похороны сына не попал. Очень меня это подкосило — два любимых человека. Сына я какое-то время вообще один растил, потому что первая жена умерла... После инсульта я восстанавливался какое-то время, поэтому об участии в военных действиях речь не шла. В 2019 году я вернулся в Смоленск, жил здесь обычной жизнью до 2022 года. Никогда не кичился, что я там был. Для меня это работа была. Сантехник же не будет ходить и кричать о том, где он был и какие трубы менял. Это

«пятисотые» (как мы дезертиров называем) ходят рассказывают байки, как они по три роты уничтожали одни ножом. Я немало наслушался таких клоунов.

— **Тяжело вспоминать о военных буднях?**

— Я не люблю об этом распространяться. Некоторые моменты стараюсь не вспоминать, но забывать их нельзя. Как я могу забыть Космоса, который подорвал себя гранатой, чтобы пацаны раненные могли уйти?! Да, мне тяжело это вспоминать, но как я это забуду? Если забуду, то предам его.

— **Дим, как вы на СВО попали?**

— Добровольцем. Был контракт с Минобороны. Я не пошел в военкомат. На тот момент у меня была уже 3-я группа инвалидности, и я знал, что меня уже не пропустит медкомиссия. Но у меня для подобных ситуаций был телефон «Союза Добровольцев Донбасса», членом которого я являюсь. Я позвонил и сказал: «Это Дитрих, куда мне приехать?», мне сказали: «Езжай в Валуйки». Приехал, подписал контракт. Сначала в Харьковскую область попал, в Изюм. Подробности делиться не могу, но уже через две недели прибыл в Ростов, где собирали добровольческий отряд Барс-20. И там уже под Новочеркасском мне предложили должность заместителя руководителя роты. Чем хороши добровольческие отряды — там не смотрят на регалии. В моей роте в роте в одном из взводов командиром отделения был подполковник полиции. Снайпер был — майор ВДВ. Там на звания не смотрят, смотрят, как ты можешь работать с людьми. А работать с людьми я всю жизнь любил и умел. И всегда знал, что и личным

примером могу показать, что хватает боевого опыта. И поддержать могу в трудную минуту. Официально моя должность называлась зам командира роты по политической части, и я сразу понял, что учился я не зря.

— **Какого возраста бойцы были в вашей роте?**

— Самые молодые старше 18 лет были. Запомнились мне две пары — два отца с сыновьями. В моей роте (из-под Донецка они)

Сын (позывной Шипа) и отец (позывной Партизан)

отец — командир второго взвода с позывным Партизан, а его сын (позывной Шипа) был в его взводе пулеметчиком. Вторые отец и сын были из-под Перми. В первой роте погибает сын, и отец его везет, а в моей роте погибает отец (Партизан). Наш батальон очень серьезно потрепало.

— **Вы были штурмовые?**

— Да. Мы попали под одно из сильных контрнаступлений, там их прорыв был. Ударили прямо по нам.

Как раз через месяц оставили Херсон, и мы попали под самый замес. Поэтому наш батальон «Барс-20» потерял очень много людей. И ранеными, и убитыми. Я сам получил ранение, был доставлен в госпиталь после одного из боев. Мы до сих пор общаемся с ребятами, у нас группа в WhatsApp, держим связь. Мой бывший командир батальона Ратибор сейчас в бригаде святого Георгия. Александр Бородай (основатель «Союза Добровольцев Донбасса») сам командует бригадой, а

мой командир Ратибор у него зам по боевой подготовке.

— **Дмитрий, как вы восприняли известие о начале спецоперации?**

— В моем понимании война — это плохо всегда. Но как говорит наш президент, если драка неизбежна — бей первым. Кто-то говорит, что мы напали первыми... А я прекрасно знаю, как все началось, как из Луганска и из Донецка людей эвакуировали еще в январе, потому

что готовилось их наступление. И если бы мы не успели, мы бы сейчас воевали под Воронежем где-нибудь. Да, мы бы выиграли эту войну, но цена была бы на порядок или на два выше.

— **Возвращение оттуда к мирным будням — насколько это сложно? Я разговаривала с людьми, которые вернулись. И они говорили, что очень сложно было в том плане, что постоянно думаешь о тех, кто там остался. И это не дает покоя. У вас была закладка, для вас это не первое воз-**

в водоворот лицемерия здесь, где все носят маски. Может, резко выразился, но как думаю. Там такого нет. И познав ту настоящую жизнь, возвращаться сюда и подстраиваться под нормы здесь — это действительно непросто. Но, с другой стороны, благодаря тому, как сейчас ведется работа с участниками СВО, наверное, острота проблемы снизилась. Их сейчас действительно ценят и уважают, потому что общество начинает понимать, что они другие по-хорошему, они изменились в лучшую сторону. Их воспринимают по-другому. Вот ко-

Ездили и к детям из детдома, я в свою школу, которую оканчивал, регулярно хожу на мероприятия. И мое руководство меня отпускает спокойно на все мероприятия, без проблем. Потому что поменялось отношение. Конечно, всё зависит от политики государства.

— **Насколько у детей есть интерес к тому, что вы рассказываете? Их цепляет?**

— Дети — это золото. Многие спрашивают: «Зачем ты с ними возишься? Они — потерянное поколение!» Я не понимаю таких рассуждений. Ребята, мы и так потеряли два поколения минимум, которыми не занималось ни государство, ни семья, ни школа, ни церковь, никто вообще. И еще одно поколение мы не можем потерять. С ними нельзя сюсюкать, но и казенными речами с ними нельзя, им это будет неинтересно, не зацепит. И еще им нельзя врать. Вообще ни в чем. Если не знаешь, как ответить, так и скажи. Они поймут, не засмеют. Я люблю работать с детьми, получаю огромный заряд энергии. У меня уже никого нет, и сейчас то, что я могу передать этим ребятам, это моя жизнь.

«Дети — это золото. Многие спрашивают: «Зачем ты с ними возишься? Они — потерянное поколение!» Я не понимаю таких рассуждений»

вращение с войны. А другие как? Насколько им сложно?

— У меня в Смоленске не очень много знакомых тех, кто вернулся и живет здесь. Я могу сказать не про смоленских. Если говорить о тех, кого я знаю — половина на половину. Половина снова вернулись туда, они чувствуют ответственность. И тяжело из той настоящей жизни опять погружаться

мне, например, именно так мое руководство (из Брянска, из Курска) относится. Они знают, что я здесь собираю гуманитарную помощь туда. И мне никто не ставит палки в колеса. Хотя те, кто занимается торговлей, всегда сторонились политики, так было во все времена. А сейчас даже они разрешают. Мы активно встречаемся с подрастающим поколением, с молодежью.

— **Дмитрий, спасибо вам за этот откровенный разговор. От всей нашей команды есть одно пожелание — пусть всё задуманное непременно осуществится! Насколько я понимаю, планы по взятию новых высот у вас есть точно. Успехов!**

— Спасибо большое, Светлана! ■

Редакция благодарит за содействие в подготовке материала Смоленский региональный филиал фонда «Защитники Отечества»

Федор Русаков: партизан, танкист и полковник

Ветеран Великой Отечественной войны Федор Русаков отметил свой 103-й день рождения. Он называет себя счастливым человеком, потому что у него двое замечательных детей, которые о нем трепетно заботятся, а также внук и правнук

Ветерана в день его рождения навесил депутат Смоленской областной Думы Николай Шумейко. Он тепло поздравил именинника и поблагодарил за заслуги перед Родиной, пожелав здоровья и бодрости духа, а также от имени спикера облдумы Игоря Ляхова вручил памятный адрес, в котором сказано:

«Уважаемый Федор Иванович! Ваш жизненный путь является примером для последующих поколений. На Вашу долю выпали страшные испытания Великой Отечественной войны: в юном возрасте Вы пошли в партизаны, служили в разведке, ходили в тыл противника, затем стали командиром танкового взвода. Своей отвагой, мужеством и стойкостью Вам удалось внести личный вклад в приближение долгожданной Победы. Ваш ратный подвиг и трудовой путь — образец того, как надо любить и беречь свое Отечество».

Федор Иванович Русаков родился в деревне Гуторово Ярцевского района. 16 июля 1941 года родную деревню оккупировали фашисты. Не желая мириться с тем, что враг хозяйничает на его земле, он ушел в партизаны. В 1943 году Русакова направили на учебу в 1-е Саратовское танковое училище. После его окончания он Русаков участвовал в боях за Восточную Пруссию, в Висло-Одерской и Нижне-Силезской наступательных операциях.

Войну Федор Русаков закончил 12 мая 1945 года в пригороде Праги. Затем служил в Чехословакии, Австрии, Венгрии. На Смоленщину вернулся в декабре 1946 года. Более трех десятилетий прослужил в органах госбезопасности, выйдя в отставку в 1981 году в звании полковника. Затем еще 17 лет продолжал работать в органах связи.

За свои подвиги фронтовик имеет 42 награды, среди них ордена Отечественной войны 1-й и 2-й степени, Красной

Звезды, медаль «За боевые заслуги» и другие. Однако самой дорогой для себя считает свою первую медаль — «Партизану Отечественной войны 2-й степени», которую он получил в двадцать лет.

Широко известна деятельность Русакова по увековечению памяти невинных жертв фашизма. Через всю свою жизнь ветеран пронес воспоминание о том, как в 1943 году за связь с партизанами немецко-фашистские каратели сожгли его родную деревню и расстреляли мирных жителей. В тот день оборвались жизни его матери, трех сестер, двоюродного брата и двенадцати племянников. После войны рядом с местом, где был его дом, в память всех погибших Федор Иванович поставил памятник своим землякам, на котором выбито 147 фамилий.

«На плечи нашего поколения выпало трудное время. Но, когда приходит час, русские люди всегда встают на защиту Родины, служат честно и самоотверженно. Сегодня наши воины, так же, как и мы, мужественно сражаются за великую Россию. Мы должны беречь нашу страну и быть патриотами своего Отечества», — дал напутственные слова молодежи Федор Русаков.

В завершение встречи Николай Шумейко отметил, что, как и прежде, будет навещать Федора Ивановича и оказывать необходимую поддержку. Пообщавшись с сыном фронтовика Валерием, депутат выяснил, какие проблемы со здоровьем имеются у Федора Ивановича, и пообещал помочь приобрести ему новый слуховой аппарат.

«Спасибо вам, Федор Иванович, за ваш патриотизм и правду о Великой Отечественной войне. Честь и слава вашему поколению. Мы вас очень уважаем. Вы — пример для всех нас!» — подчеркнул парламентарий. ■

Валентин Абрамов

«В десять лет я перестал улыбаться, детство ко мне больше не вернулось»

«С младшими классами встречаться не хочу, они не понимают, что такое голодать, как люди умирали от голода, как сходили с ума». Житель блокадного Ленинграда — о войне, голоде и патриотизме

Великая Отечественная война. Время, когда за нас с вами, за наших детей и их будущее погибали миллионы. И миллионы выживали — тоже за нас с вами, за наших детей и их будущее.

История блокадного Ленинграда и его героическая оборона — одна из самых ярких страниц Великой Отечественной. Это не только великий воинский подвиг, это и подвиг жизни, который сформировал, в том числе, и нравственные ценности настоящего.

Поэтому очень важно «не расплескать», не утратить воспоминания о тех событиях. Важно помнить, ценить и передавать следующим поколениям свидетельства очевидцев. Только эта эмоциональная связь позволит нам сохранить культурный код нашей страны.

Восьмидесятилетие полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады мы отмечаем циклом встреч с теми, кто оказался в осажденном городе на Неве в том страшном 1941 году. Сегодня наш собеседник — ветеран-блокадник, полковник авиации в отставке, Валентин Васильевич Абрамов. Когда началась война, ему исполнилось десять лет.

Более двадцати лет он руководил организацией «Смоляне — жители Блокадного Ленинграда», и все эти годы вместе с другими блокадниками проводил большую патриотическую работу.

Проводит и сегодня. На встречах со смоленской молодёжью Валентин Абрамов рассказывает правду о войне, о блокадном Ленинграде, о подвиге нашего народа и нашей Великой Победе. Важность этих встреч, в ходе которых ветераны передают свою историю молодому

поколению, переоценить невозможно. Тем более что живых свидетелей тех исторических событий становится всё меньше...

— Валентин Васильевич, ваше довоенное детство каким было?

— Я был мальчик из вполне обеспеченной семьи. Нас было трое детей, работал только папа, мама не работала — как теперь говорят, была домохозяйкой. Тогда в Ленинграде практически все семьи (кому позволял достаток) на лето уезжали на дачу. И наша семья, в том числе. Мы всё лето проводили в Ольгино, это буквально двадцать километров от Ленинграда. До Финского залива от нашего дома десять минут неспешной ходьбы, с берега виден Ленинград, Исакий... Конечно, очень хорошо мы жили. Там было всегда очень много людей, в том числе, известных. Ну кто не знал Дунаевского, например? Его дача была рядом с нами. Там по выходным у него собирались многочисленные друзья, оркестр играл, и мы с ребятами приходили туда, у них в саду были скамейки, мы рассаживались и слушали. Там же была дача писателя Вячеслава Шишкова (автора романа «Угрюм-река»). Добрый старик был, угощал нас пирожками. Дача польского посольства рядом была. Это был дачный поселок, который жил мирной тихой жизнью.

— Помните тот день — 22 июня 1941 года?

— Прекрасно помню. Мы как раз в Ольгино отдыхали. Там и встретили начало войны. Отец сразу собрался в военкомат. Он Финскую войну прошел. Для кого-то та война была пустяком, а я все помню, Финская война — это была первая война в моей жизни. В пер-

вый же день отец был призван и пошел воевать. Он был артиллеристом, отвоевал всю Финскую. Остался жив, правда, без зубов пришел. И в 1941-м уже на второй день был призван на фронт, ни дня не было дано на сборы — сразу ушел. А мама с тремя детьми сразу поехала в Ленинград. Там у нас квартира была на Васильевском острове.

— Какие ожидания были в самом начале войны — насколько быстро она закончится, как об этом говорили взрослые?

— Отец перед уходом на фронт сказал моей маме такую фразу: «Валя, вернетесь в Ленинград, сразу начни сушить сухари. Это не война с Финляндией, это быстро не кончится». А детей трое: я — старший, сестре было шесть лет и брату два года.

— Мама тогда успела сделать запас?

— Да. Каждый день мы покупали хлеб и сушили сухари из настоящего ржаного хлеба. Голод не сразу начался. Первые месяцы (где-то до сентября) торговали свободно хлебом. А потом ввели карточки, и уже ассортимент был не такой, как раньше. И в магазинах все поделало. В магазинах мне запомнилось — полки ломились от крабов. Их никто не брал, они закончились в последнюю очередь. Спички, соль — все пропало. Но первые два месяца (июль и август) у нас были на то, чтобы сделать запас сухарей. Мама резала и сушила, резала и сушила. А потом уже когда карточки ввели — все. Мама не работала, у нее была иждивенческая карточка, плюс наши детские. В ноябре это было уже по 125 граммов хлеба на человека. Мы успели заготовить

целый мешок. Но я потом этого мешка не видел. Куда его мать спрятала, когда начался голод, я до сих пор не знаю. Благодаря этому мы и остались живы. Мама каждый день доставала из заветного мешка на всех нас один сухарь. Его, конечно, не сравнить с тем хлебом, что мы получали на карточки — тот был совсем плохого качества, от хлеба там одно название осталось.

— Как младший брат выжил, ведь совсем маленький был — два года всего?

— Младшему брату на молочной кухне выдавали чуть молока и каши. Молоко очень быстро прекратили давать, а кашу гречневую (по 100 граммов) выдавали долго — весь октябрь точно. Я ходил за ней и всегда доносил ее брату. Хотя соблазн съесть и выбросить банку был все время, каждый день. Но в октябре кашу на брата перестали давать. Закончилась и жидкая каша в школах, что нам давали. Школы закрылись.

— Постоянный голод, лютые морозы, ужас от непрерывных бомбежек и обстрелов... Как вообще можно было всё это выдержать? При том, что мама ваша не работала...

— Мы ходили по домам, предлагали работу. В конце концов мама на дом взяла работу — нужно было плести маскировочные сети. Эта артель, которая занималась сетями, поставляла нам челноки, нитки, тряпье белое для маскировочной сети — это был зимний вариант. А до зеленого цвета мы не дождались, нас перевели на другую работу — мы стали собирать запалы к гранатам. Там 7 деталей, надо было свинтить их, собрать, пружину вставить. Мама числи-

лась работницей, но делали мы это вместе с ней. А потом к нам приехала жить из другого района города мамина сестра с сыном (он был старше меня на три года). Морозы стояли действительно лютые, и очень быстро стал вопрос с дровами — Ленинград на треть топились дровами в довоенное время. У нас на одну трехкомнатную квартиру было две печи — «голландки», очень красивые, с изразцами и медными заглушками. Мы дрова всегда заготавливали, у нас была во дворе своя поленница дров. Но это всё осталось в мирное время. А в блокаду какие дрова — надо было боеприпасы завозить в Ленинград. Не до дров стало. И вот нашей задачей с моим двоюродным братом Валькой была добыча дров. Это была целая «спецоперация»: по радио объявляли, что на Васильевском острове разрушены дома по такой-то линии, дом номер такой-то. И сразу мы шли туда, разбирали завалы, чью-то мебель и тащили это всё домой. И надо было поднять нашу «добычу» на второй этаж, распилить, наколоть. Для таких дров наши голландские печи, конечно, не подходили, поэтому начали изготавливать масово буржуйки. Их продавали за хлеб. Мы поставили посреди гостиной буржуйку, вывели трубу в форточку, так и топились. Пока горит — тепло есть, а стоит погаснуть — остывает мгновенно. Тепла не хватало так же остро, как и еды. Температура дома была — плюс 5, плюс 8, не выше. Холод был собачий, надевали на себя все что было, и в этом спали. Когда с дровами были перерывы (а такое бывало нередко), то мы свои стулья, столы ломали и жгли. Рояль был у нас, ножки от него тоже сожгли. В комнате стоял большой ящик,

наполненный песком. Мы кипятили чайник и ставили его в этот ящик с песком. Так 8–10 часов вода была горячая. Но была проблема и с водой. Ее тоже надо было добыть. Кто-то жил рядом с Невой, там проще, а нам до нее было два километра. И морозы 30–35 градусов всю зиму. И вот мы с Витькой ходили на Неву раза три. А потом рядом с нашим домом разорвалась бомба, и образовалась огромная яма, прорвало водопровод и там была вода, пока не замерзла. И мы оттуда брали воду. Приносили, через тройную марлю и вату эту воду пропускали 2–3 раза — и в чайник.

— У тех, кто пережил голод навсегда осталось особое отношение к хлебу. Какие фрагменты той блокадной жизни всплыли в памяти сразу, когда мы заговорили об этом?

— В ноябре, когда голод только начинался, мы пошли на рынок — мама хотела продать ценности, шубы. Но спрос на рынке был на одно — на хлеб. На всё, что мы принесли продавать, никто даже и смотреть не стал. Так мы все ценности и принесли обратно. У нас был случай — мы чуть с ума не сошли от ужаса. Мы оставили на буфете карточки-талоны на хлеб на два дня, и их съели мыши. Это была настоящая беда. Мы с трудом эти два дня пережили. Вот тут и сыграли свою роль сухари, которые мама засушила по совету отца. Отец, кстати, тогда с тяжелыми ранениями попал в госпиталь в Ленинграде. Мама заболела, и в госпиталь к нему пошел я. Меня встретил замполит госпиталя, на меня надели халат, завернули рукава и отвели в палату к отцу. Там их лежало пять тяжело раненных человек. Я, конечно, растерялся.

Меня отец узнал, окликнул, я подошел к нему и заплакал. Он испугался, спрашивает: «Что с мамой?» Говорю сквозь слезы: «Заболела». Мы проговорили часа три. Когда я стал собираться уходить, отец достал из тумбочки сухарь: «На, отнеси маме». Второй солдат достал свой сухарь, дал, и третий тоже отдал. А четвертый говорит: «Сынок, ты уж прости, я съел свой сухарь». И я с тремя сухарями пошел домой, на улице уже кромешная тьма была. Я донес эти сухари.

хорадочно есть, побежал к выходу, споткнулся и упал. И люди его забили до смерти ногами, он даже не успел этот хлеб съесть. Разве такое забудешь? Когда я учился в военном училище, не смог стерпеть выходки парня, который приноравливался кидаться хлебом. Придем в столовую, он берет хлеб и запускает в своего товарища. Я его один раз предупредил, второй. Сказал: еще раз увижу — побью, что, собственно, и произошло. Я крепко дал ему. Стали разбираться, что

как люди умирали от голода, как сходили с ума. И даже если рассказать, они этого не поймут. Где-то прочитал, что одна мама написала: «Чего вы рассказываете детям сказки?» Это не сказки! Это правда жизни. Было и то, и другое в Ленинграде. У меня большая библиотека по книгам о блокаде. И есть одна книга, называется «Рассекреченная блокада», и там приводятся факты — сколько и когда было расстреляно и осуждено за людоедство и трупоедство. Если в первый год блокады было 35 человек осужденных, то в 1942 году — уже 350.

«Отец перед уходом на фронт сказал моей маме такую фразу: «Валя, вернись в Ленинград, сразу начни сушить сухари. Это не война с Финляндией, это быстро не кончится»

Мама потом поправилась. Вот с этого времени у меня осталось чувство вечного поклонения хлебу. Я бережно очень к этому отношусь. И никогда не спущу какого-то пренебрежительного отношения к хлебу. И да, вы правы, это остается в каждом блокаднике навсегда. Был у меня приятель Саша, на три года старше меня был. Ему видимо больше питания нужно было. И вот он забежал голодным в булочную, вырвал у женщины хлеб и стал ли-

да как. Подполковник пригласил меня, расспросил, за что я так его. И когда разобрались, меня выпустили через сутки, а этому парню дали десять суток гауптвахты... Приходится рассказывать некоторым, что значит хлеб для жизни человека. Понимают не все. Наверное, чтобы понять, нужно поголодать. Я много раз встречался со школьниками. С младшими классами встречаться не хочу, они не понимают, что такое голодать,

— Вы знали о подобных случаях?

— Я могу сказать только, что мать, когда я собирался к отцу в госпиталь, мне сказала: «Валентин, если кто-то тебя будет приглашать в гости, обещать угостить хлебом или чая попить — не ходи!» И только потом мне стали понятны слова матери, когда трупы видел без частей тела — без ягодич и других частей. И триста пятьдесят — это только приговоренных к расстрелу, а сколько еще не приговоренных было! Трупы были повсюду, потому что, если человек умирал, то его смерть не спешили фиксировать (тело прятали в пустой комнате, где холодно было), ведь на умершего по карточкам хлеб можно было получать. А если зафиксировать, что он умер, то карточки на него уже не получить. Кстати, трупов я не боялся — их шесть у нас в подьезде лежало всю зиму — я ходил и не боялся. Они завернуты в простыни, замерзшие. Мы на втором этаже жили, а первый этаж был занят трупами. И я к этому уже привык и относился очень спокойно.

— Возвращаясь к той истории в булочной — тот подросток, который отобрал хлеб у женщины и стал есть, с ума сошел от голода?

— Нет. Но я видел и сумасшедших. Человек меняется физически и физиологически — уходит с лица нормальный цвет, оно становится серо-землистым. Жировая складка уходит. Выдаются костевые черты — череп, челюсти. Смотреть на это очень тяжело.

— Валентин Васильевич, вот с одной стороны весь этот ужас, о котором вы рассказываете, а с другой стороны, вы же были десятилетним ребенком. А ребенок — это мечты о будущем, о чем-то хорошем, это не только психологией, но и физиологией обусловлено.

— Я скажу вам, что в десять с половиной лет я перестал смеяться и улыбаться. Детство ко мне больше не вернулось. Я помнил, что была другая жизнь, что я ел фрукты, купался в море, загорал. Что есть конфеты, шоколад. Я спрашивал: «Мама, а наступит такое время, когда мы будем есть хлеба столько, сколько захотим?», и она отвечала: «Конечно, наступит». И я радовался... «Сколько хочешь» хлеба я увидел в 1943-м году, когда нас эвакуировали из Ленинграда, и мы сели в Ярославле на пароход. Немцы в это время бомбили рядом мост, и бомбы падали рядом с пароходом в воду. Рядом сидевшая женщина сказала: «И надо ж было уехать из Ленинграда, чтобы утонуть тут, в Ярославле». Но всё обошлось. Это последняя наша бомбежка была. Так вот на этом пароходе нас кормили вдоволь. Нам давали бутерброды с красной икрой, я первый раз такое ел. И так от Ярославля

«Я много раз встречался со школьниками. С младшими классами встречаться не хочу, они не понимают, что такое голодать, как люди умирали от голода, как сходили с ума. И даже если рассказать, они этого не поймут»

до Горького нас кормили, 4–5 раз в день. В Горьком мы пересели на другой пароход, на котором мы пошли вверх по Оке от Горького до Рязани. И там машина довезла нас до родины отца, в Рязанскую область, Луховицкий район, село Гавриловское. Это мы приехали к родителям отца (отец в это время был эвакуирован в Свердловск, и там в госпитале он лежал еще год). Так вот соседи деревенские приходили к нам и смотрели на нас «как в зоопарке». Ничего не говорили, только головами качали и охали. А тетушки добрые приносили яйца, творог, кто что мог. И все время, что мы там были, они нас подкармливали. Кто резал скотину — мясо нам приносили, чтобы мы продержались, все-таки мать и трое детей.

— Гитлеровцы еще и нещадно бомбили Ленинград. Это был постоянный страх, или человек ко всему привыкает?

— Я помню это ощущение, когда каждую минуту бомбят и обстрели-

вают. Нас спасало, что на Васильевском, напротив нашего дома, была табачная фабрика — семиэтажное здание. Порядка десяти снарядов в нее попало. Наш дом трехэтажный был, поэтому все снаряды, «предназначенные для нас», попали в эту фабрику Урицкого. Что касается привычки, да. Первые три дня мы еще ходили в бомбоубежища, но было далековато, а тревоги объявлялись почти непрерывно. И бегать туда-сюда мы прекратили. Мама сказала: «Что Бог даст, так тому и быть». Вот мы сидели дома, плели сети, собирали запалы. Работа действительно дает большой стимул. Да и платили хорошо. Правда, тогда деньги мало чего стоили... Хлеб всему голова, хлеб — это жизнь. Нет хлеба — нет жизни.

— Когда закончилась война, вы вернулись в Ленинград?

— Нет. Сестра папина жила в Москве. Она взяла нас в Москву в свою квартиру. Всю семью. Наша квартира в Ленинграде была уже занята, туда вселилась семья, их

дом разбомбили, и их переселили на освободившуюся площадь. Мы же выписались перед эвакуацией — такое ленинградское постановление было от исполкома. А потом нашу семью прописали у папиной сестры в Москве. Она нас и уговорила — ну зачем вам в Ленинград, где вы будете жить. В общем, провела такую агитацию, что мы согласились остаться в Москве. И спустя какое-то время папе как участнику войны и инвалиду дали квартиру в Москве. Сначала однокомнатную, потому что я ушел в армию, сестра вышла замуж, брат служил срочную. А потом уже трехкомнатную, в которой по сей день живет мой младший брат. Тот, которому я кашу носил.

— Он же был кроха совсем. Он плакал тогда от голода?

— Нет, только просил кушать, стонал. Но мама доставала нам по одному сухарю. Хорошо, что прятала, я бы, наверное, не выдержал, съел бы.

— Уже в мирное время — сколько вам было лет, когда вы первый раз вернулись в Ленинград и зашли в ту свою квартиру?

— Ни разу не зашел. Я не смог. У меня есть фотографии, я правнучке своей фотографировал наш этаж, все три окна, номер дома, подъезд. Я бывал там, возле дома, но заходить туда боюсь. Хотя мысль такая была — просто прийти и посмотреть на эту квартиру. Но там, где я прожил трагические 2,5 года, я не был.

— Вы стали военным. Эта профессия — осознанный выбор?

— Этот выбор был сделан тогда еще, когда над моим городом Ленинградом кружили немец-

кие бомбардировщики, это меня страшно возмущало! Тогда еще мечтой моей было вырасти и стать военным. И вот я окончил железнодорожный техникум, поработал год. А потом пошел в армию. Направили меня в город Молотов. Это сейчас Пермь. Морозы и снега. Там из меня — столичного мальчика — начали делать военного человека. И я решил остаться на военной службе. Попал в город

«Когда над моим городом Ленинградом кружили немецкие бомбардировщики, это меня страшно возмущало! Тогда еще мечтой моей было вырасти и стать военным»

Калинин (нынешняя Тверь), прослужил там 4 года, подал рапорт в военную академию будучи старшим лейтенантом. Окончил академию, и пошла служба в армии. Она у меня благополучно прошла. Я попал в дальнюю авиацию — это капитальные гарнизоны, стабильные. Закончил службу здесь, в воздушной армии в Смоленске. И уволился здесь. С должности заместителя командующего воздушной армии, с генеральской должности. Генерала я не получил (по

причинам не от меня зависящим), но пенсию генеральскую получаю.

— Говорят, «большое видится на расстоянии». Мы сейчас говорили о тех ужасах, которые пришлось пережить вашей семье в блокаду. Вспоминая всё это, какое чувство...

— Я считаю, что нормально сложилась жизнь. Самое главное, что мать сохранила всех троих детей, и это, я считаю, подвиг. Потому что в таком составе остаться всей семье в живых в блокаду — неосуществимая мечта. И благодаря маме и папе, что был этот запас сухарей — в день по сухарю — так и выжили. Я, конечно, не все рассказал. Были и утраты, и разочарования. Мне все кладбища в Ленинграде известны — и Волково, и Смоленское, не говоря уже о главном кладбище. Я там каждый год (кроме последних) в составе делегации жителей блокадного Ленинграда возлагаю цветы. Сейчас стало сложновато. Но я с Ленинградом связь не теряю и до сих пор считаю его лучшим городом России. Это горд красоты, город, которым можно гордиться русскому человеку. Кто в Ленинграде не бывал, тот красоты не знает.

— А про Смоленск что скажете?

— Мне понравился Смоленск, когда я его увидел. Я был молодым человеком, лейтенантом, когда первый раз приехал сюда, это было в 1954-м году. Я в товарном вагоне ехал из Барановичей в Тверь и в открытые двери товарного вагона увидел Смоленский собор, он же на горе стоит. Собор блистал... Я и подумать не мог тогда, что буду здесь жить. После этого я еще по Советскому Союзу два круга сделал. Вот такая судьба... ■

Имени Павла Судоплатова

В Смоленске прошли межрегиональные соревнования по тхэквондо

Ежегодные открытые межрегиональные соревнования по тхэквондо на Кубок легенды отечественной разведки, генерал-лейтенанта Судоплатова Павла Анатольевича прошли в апреле в смоленском дворце спорта «Юбилейный».

В торжественной церемонии открытия приняли участие председатель Смоленской областной Думы Игорь Ляхов, депутат Думы, президент федерации тхэквондо региона Евгений Рудак и депутат Думы, руководитель Смоленского филиала фонда поддержки участников СВО «Защитники Отечества» Наталья Полушкина.

Кубок имени генерал-лейтенанта П.А. Судоплатова учрежден Смоленским региональным общественным фондом «Вымпел-Гарант» в 2013 году. В нынешнем году соревнования стали юбилейными и были проведены в десятый раз.

Юные спортсмены со всей области и ряда регионов съехались на соревнования. Это команды из

Брянской, Московской, Смоленской и Тверской областей. Всего около 300 участников, представленных в нескольких возрастных категориях от 8 до 14 лет.

По словам председателя Совета ветеранов регионального фонда «Вымпел-Гарант» Игоря Королева, боевой дух легендарного советского разведчика живет сегодня в каждом спортсмене, прибывшем в этот спортивный комплекс.

Как рассказал Королев, на территории Смоленской области уделяется большое внимание поддержке спорта. Благодаря поддержке председателя Смоленской областной Думы Игоря Ляхова в регионе проводится еще один турнир, посвященный именованному разведчику, нашему земляку «Кубок памяти Героя Советского Союза полковника Бояринова Г.И.».

«В 2009 году мы вышли с инициативой, председатель областной Думы выслушал нас и решил вопрос для дальнейшего проведения турнира, а именно закупил дорогостоящие маты, на которых стали выступать наши спортсмены и приглашать к себе другие команды», — напомнил Игорь Королев.

Игорь Ляхов поприветствовал участников и гостей межрегионального турнира. *«Одиннадцать лет назад мы договорились с нашими ветеранами из «Вымпел-Гарант» о том, что будем ежегодно проводить турнир по тхэквондо. Ветеранские объединения, представители силовых структур, партия «Единая Россия» делают многое для патриотического воспитания молодежи, — рассказал Ляхов. — Хочу пожелать, чтобы*

в наших соревнованиях не было побежденных. Чтобы мальчишки и девчонки, которые будут соревноваться, приобрели опыт, укрепили свой характер, а, самое главное, вспомнили историю нашей страны. Великую историю, на которой держатся устои нашего государства. Турнир не зря назван в честь Павла Анатольевича Судоплатова. Это уникальный легендарный человек, огромной силы духа и характера. На его счету множество подвигов: ликвидация бандеровского украинского подполья, разработка военных операций, в том числе, на территории Смоленской области, разведка в области ядерных технологий, горькая память лагерей, период незаслуженного забвения и реабилитация. Но Павел Судоплатов, как истинный патриот, не озлобился на свою Родину, написал много мемуаров и работ, которыми до сих пор пользуются наши разведчики. На таких личностях должна воспитываться молодежь, в честь их должны проводиться турниры и мероприятия».

В перерывах между боями гости и спортсмены могли ознакомиться с историей формирования внешней разведки и биографией ее основателя. В зале была размещена экспозиция, посвященная легендарному разведчику.

Своими впечатлениями поделился один из самых юных участников турнира, восьмилетний Иван Шуваев: «В секцию меня привела мама. Нам показали разные приемы и способы защиты. За два года занятий мне удалось подняться на пьедестал и получить свою первую медаль».

По итогам соревнований прошла церемония награждения участников и команд турнира. ■

Прошедшее спортивно-патриотическое мероприятие было посвящено памяти участника борьбы с украинскими националистами, германскими и итальянскими фашистами, ветерану Великой Отечественной войны, разведчику-нелегалу, а в дальнейшем — Начальнику 4 (диверсионного) Управления НКВД, заместителю начальника 1-го Управления НКВД, (внешняя разведка) генерал-лейтенанту Павлу Анатольевичу Судоплатову.

Одновременно он был назначен заместителем начальника штаба по борьбе с парашютными десантами, ему же подчинялся легендарный ОМСБОН (Отдельная мотострелковая бригада особого назначения НКВД СССР).

Именно ОМСБОН стал формироваться на стадионе «Динамо» в первые дни войны и фактически стал спецназом Великой Отечественной войны. Из сотрудников ОМСБОНа формировались партизанские отряды особого назначения, в том числе и на территории Смоленской области.

Одновременно с омсбонавцами, разведчики 4 Управления координировали свои действия со смоленскими партизанскими отрядами «Дедушка», партизанской дивизией В.С. Воровченко и другими. В феврале 1942 года одному из таких партизанских отрядов особого назначения «Грозный» для боевых действий в Витебской области и в качестве подрывников были направлены смоленские партизаны Володя Куриленко и Иван Борисов из отряда И.Р. Шлапакова. В последствии Владимиру Куриленко было присвоено звание Героя Советского Союза посмертно.

В феврале–марте 1942 года за линию фронта ушло более 20 вновь сформированных отрядов особого назначения. В так называемый «Смоленский треугольник» Смоленск–Орша–Витебск направлялись разведывательно-диверсионные отряды для уничтожения живой силы и техники противника, которые состояли из сотрудников государственной безопасности.

Такие отряды особого назначения действовали и на территории Смоленской области. В селе Каспля Смоленского района захоронены погибшие воины-омсбонцы, в том числе и боец ОМСБОНа Любовь Кулакова, трехкратная чемпионка СССР по лыжам, а также победительница соревнований по горным лыжам и мотокроссу. Товарищи называли ее «Снежная королева», вместе с другими бойцами она приняла участие в разгроме фашистской разведывательной школы «Сатурн», о чем снят одноименный фильм.

Лицо лица

Мэр Смоленска Александр Новиков и сенатор Руслан Смышнев, координатор проекта «Единой России» «Новая школа», посетили новый многопрофильный лицей в Соловьиной роще

Открытие лицея — долгожданное и знаковое событие для жителей микрорайона. С 1 апреля в нем обучаются почти пятьсот детей 1–7 классов. А с 1 сентября в каждой параллели с 1 по 11 класс будут обучаться около ста человек. Все классы будут учиться только в первую смену.

Как рассказала директор лицея Ольга Гильденкова, он оснащен современной техникой и всем необходимым для комфортного обучения и применения полученных знаний на практике.

«Школьники проявляют радость, восхищение тем уютом, который обеспечили как строители, так и педагоги, администрация города Смоленска, правительство Смоленской области, которые выполнили много работы, вложили много средств, чтобы шко-

ла была готова к приёму детей и образовательному процессу», — подчеркнула Гильденкова.

Лицей имеет два библиотечно-информационных центра с компьютерными зонами для проектных работ, кабинет астрономии с возможностью путешествовать по звёздному небу, хореографический зал, столовая и пищеблок, где одновременно рассаживаются пятьсот человек.

Для занятий физкультурой есть современный 25-метровый бассейн на пять дорожек, два спортивных зала с раздевалками и душевыми, тренажёрный зал, футбольное поле. В блоке для начальных классов оборудована спальная комната для первоклассников группы продлённого дня.

«Ребята с энтузиазмом знакомятся с робототехникой, естественными науками, ставят эксперименты, занимаются спортом и творчеством. Новое оборудование позволяет полностью погрузиться в процесс, открыть для себя что-то новое с помощью интерактивных инструментов, — отметил Александр Новиков в ходе визита. — Желаю всем им успехов в учебе, мотивации к получению новых знаний и дальнейших достижений! Лично убедился, что в учреждении созданы все условия для получения качественного образования».

Заявления на перевод в лицей будут приниматься с июня по август. ■

**ЕСТЬ ТАКАЯ
ПРОФЕССИЯ —
РОДИНУ
ЗАЩИЩАТЬ**

**НАСТОЯЩЕЕ
ДЕЛО**

службапоконтракту.рф

г. Смоленск, ул. Маршала Жукова, д. 12/2, тел.: +7 (4812) 68-71-87, 68-71-88, 68-71-45

Информационно-аналитический журнал «О чем говорит Смоленск»

12+

Шеф-редактор
**Ванифатов
Евгений Валерьевич**

№4 (295)
22 апреля 2024 г.

Дизайн/верстка
Наталья Голубкова

Главный редактор
**Савенок
Светлана Николаевна**

Фото
**Екатерина Сидоренко
Николай Жданов**

Электронная версия журнала
<https://journal.smolensk-l.ru/>

Редакционная почта
smolredaktor@yandex.ru

Периодичность выхода
один раз в месяц

Телефон +7 (920) 668-05-20

Свидетельство о регистрации
ПИ N ТУ67-00081 от 22.01.2010

Адрес редакции **214000,
Смоленская обл., г. Смоленск,
ул. Октябрьской рев., д. 14а**

Адрес издателя **214000,
Смоленская обл., г. Смоленск,
ул. Октябрьской рев., д. 14а**

Журнал «О чем говорит Смоленск» зарегистрирован в Управлении Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Смоленской области

Учредитель **000 «Группа ГС»**

Отпечатано в ООО «Типография Матрица» (214031, Смоленская область, г. Смоленск, ул. Маршала Соколовского, д. 6, кв. 45) 8-920-305-01-11
Подписано в печать: 19.04.2024 в 18.00 (по графику: 18.30)
Дата выхода в свет: 22.04.2024
Тираж: 3 000 экз.
Свободная цена
Заказ: 2024-01328

ЗАПРЕЩЕНО ЛЮБОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МАТЕРИАЛОВ, РАЗМЕЩЕННЫХ В ЖУРНАЛЕ, БЕЗ СОГЛАСИЯ РЕДАКЦИИ

СМОЛЕНСКАВТОДОР

СМОЛЕНСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ

214000 Смоленск

Октябрьской революции 14а

телефон (4812) 38 05 71

<http://smolavtodor.ru/>

реклама.

Более **8100** километров
автомобильных дорог
в оперативном управлении